

18+

ИЮЛЬ 2022 Г. | № 1

В СЛУХ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КВИР-ЖУРНАЛ

«Вслух»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КВИР-ЖУРНАЛ 18+

Редакторы:

А. Толкачева

А. Нечаев

*Журнал распространяется
бесплатно*

Почта редакции:

vs Luh.zhurnal@gmail.com

Фото на обложке:

Модели: [Гела и Хаоян](#)

Фотограф: Ольга Букина

[Сайт журнала](#)

Логотип: [Алексей Лис](#)

Иллюстрации: Май Мальцев,

[Татьяна Юхнавец](#) и [@weltshmerz](#)

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

© [Май Мальцев](#), 2022

© Аста Ла Виста, 2022

© Алексей Левинский, 2022

© [Анна Толкачева](#), 2022

© [Анастасия Шалункова](#), 2022

© [Алена Кирсанова](#), 2022

© [Анастасия Тимофеева](#), 2022

© [Татьяна Юхнавец](#), 2022

© [Виктория Грекова](#), 2022

© [Вера Фуэнтес](#), 2022

© [Андрей Нечаев](#), 2022

© Володя Котт, 2022

© [Марина Чуфистова](#), 2022

© [Алла Леонова](#), 2022

© Михаль Соболев, 2022

© [Алина Тавтын](#), 2022

© [Сири](#), 2022

С

О

Д

Е

Р

Ж

А

Н

И

Е

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	3
УГОЛ ТРЕНИЯ (18+)	4
Мы	5
КАК ПОТРОГАТЬ СЧАСТЬЕ	18
ВЕЧЕР В ДАУНТАУНЕ	34
ИБУПРОФЕМ	49
ХОРОШИЕ ДЕВОЧКИ ТАК НЕ ДЕЛАЮТ	50
ГАДИНА	52
NEURA	60
КУШЕТКА	68
НЕДЕТСКИЙ ВОПРОС	69
НЕ ХОЧУ БЫТЬ СТАРШЕЙ	70
ДЕВОЧКА В КЛЕТКЕ	74
Я ТОТ, КТО Я ЕСТЬ	76
СВИТЕР ДЛЯ МАМЫ	78
Я УТАЩУ ТЕБЯ НА ДНО	87
СТРИПТОЦИД	99
ПРИВЕТ, РЫЖУХА!	100
Я, СВОБОДА	104
ВЕЛАМОР	108
СЛАБОСТЬ	109
МЫ, ВТРОЕМ	114
КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ (КОМИКС)	124

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Приветствую тебя, читатель!

Ты держишь в руках первый номер нашего журнала, и нам немного волнительно, потому что замысел наш грандиозен. Это и литературный журнал, где опубликованы художественные произведения современных авторов. Это и социально значимое периодическое издание.

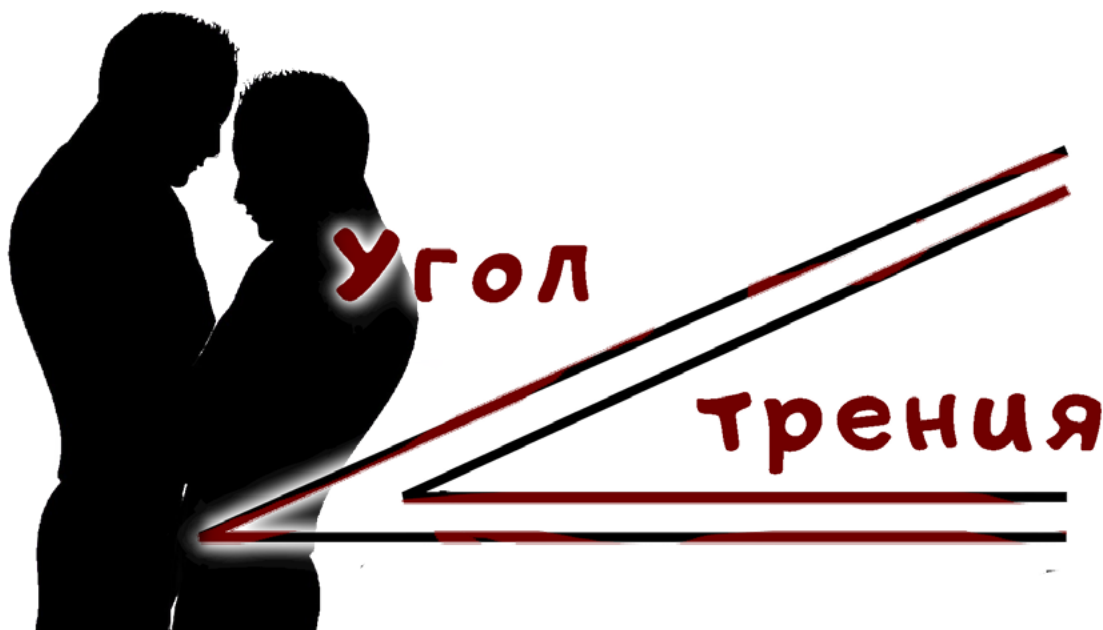
Мы считаем, что печатное слово долго замалчивало и продолжает замалчивать многие серьезные темы. Замалчивание, или стигматизация, как это еще принято называть – одна из больших проблем нашего общества. Не секрет, что журнал посвящен квир-тематике и освещает жизнь социальных групп, которые не вписываются в общепринятые рамки. Наша цель – при помощи слова помочь социализироваться и интегрироваться в общество тем, кто не находит поддержки в своем окружении.

Наша редакция выступает за свободу слова. Однако редакция оставляет за собой право не согласиться с позицией автора, о чем мы при необходимости оповещаем в комментариях к тексту.

Наша цель – показать мир и человека в нем во всем его многообразии. У нас нет запретных тем. Мы говорим вслух, открыто, прямо. Искренне убеждены, что без смелых идей и экспериментов развитие искусства не состоялось бы.

Будоражащего чтения!

Анна Толкачева

18+

МЫ

Никогда не забуду эту весну. Она остро впечаталась в мою память, навсегда оставив там следы растерянности и пустой отрешенности.

В это время в моей жизни начали происходить события, которые потянули за собой ряд серьезных перемен. К первому числу марта я выиграла два суда – и это стоило мне нескольких седых прядей и отмершей части нервных клеток, отвечающих за адекватное поведение.

Отлично! Веду тихий диалог сама с собой и не могу побороть чувство разъедающего разочарования – теперь я не только псих, но и полный ноль. Осознание сего неприглядного факта от раза к разу накрывает бесконечным гнетущим полотном. Жалеть себя

буду, но не прямо сейчас.

Не на людях же! Вздыхаю, складываю пополам бумажку с судебным решением и плетусь к выходу из здания суда. Нужно отдохнуть. Кажется, этим я и занималась последние два-три дня, отмечая свой развод и пытаясь заглушить пустоту и ощущение собственной никчемности. Постоянно болит голова, хотя с чего бы ей? Я снова девочка в активном поиске несмотря на возраст. Да и к черту этот возраст – я никогда и не выглядела на свои «слегка за тридцать».

Медленно, стараясь не делать резких движений, захожу домой, снимаю одежду и плетусь прямиком в ванную. Еще со студенческих времен помню,

как нужно поступать в подобных случаях. Холодный душ и чашка кофе – вот мое спасение.

Как же так получилось-то?

Я, со всех сторон такая королева, каким-то образом вышла замуж за алкоголика. Любооооф?

Фыркаю.

Поморщившись, в который раз обещаю себе не связываться с мужиками.

Уж лучше эмоциональные и мягкие девушки. Будь она неладна, эта всеядность!

Я когда влюбляюсь, становлюсь до жути ревливой собственницей! Зацеловать, покусать, пометить, что мое! Но этот период желаний и единоличного обладания без должной подпитки быстро проходит и превращается в теплое чувство полного доверия.

Я всегда такая. Мне хочется знать, что я любима столь же сильно, как и люблю сама. Что меня не обманут и не предадут. Когда я открываюсь кому-нибудь, то все остальные люди становятся для меня

асексуальными – так было всегда. И вот я в очередной раз за бортом счастливой жизни, зато мудрая и с опытом. Да-да, несчастная и одинокая.

С удовольствием бы избавилась от этого опыта в пользу настоящей любви. Забавно, на праздники нам постоянно желают счастья, любви и здоровья, а мы в итоге ни черта из этого так и не получаем.

Ах да, я планировала отвлечься. В итоге так оттянулась, что теперь опять нужно отдыхать после этого отдыха. Тело болит от танцев, живот – от всего, что я туда отправила. Сейчас выйду из ванной и закутаюсь в одеяло, да и пошло оно все лесом. Жизнь пока еще не закончилась, значит, завтра на голову свалится еще какая-нибудь срань. К этому нужно быть морально готовой.

С Женей я повстречалась на каком-то сабантуе по случаю дня рождения. Он оказался достаточно напорист и сразу присвоил меня, отгоняя всех претендентов

на «потанцевать» и «поухаживать». Он был высокий... Да все они были высокие, не то что я метр с кепкой в прыжке. И все же он казался гигантом. Смотрела я на Женю, задрав голову. Вот это мужчина! Русский, с голубыми глазами и красивой улыбкой. Господи, хоть бы не вляпаться опять! Еще так мало времени прошло после развода – совсем не хотелось снова окунуться в чувства, а потом пережить столкновение с чужими «маленькими слабостями». Голова кружилась от легкой паники, а в соцсетях диванные психологи твердили, чтобы я была внимательна, как коршун. Женя водил меня на свидания в кино и дарил удивительные букеты из петрушки и морковки. На Восьмое марта я получила кактус – по его словам, полное олицетворение меня. А еще он тогда впервые меня поцеловал. И этот поцелуй был для меня чем-то невероятным. Я забыла. Все забыла!

Как быть красивой, как быть желанной, как это – получать комплименты и подарки... Я так быстро забыла о сводящих с ума поцелуях, страстных взглядах, прикосновениях! А рядом с ним вдруг снова стала маленькой неумехой. Женя обожал целоваться. Я отдавалась его губам и подчинялась напору языка. Со мной он был нежен, предупредителен и терпелив. Так что первый раз меня удивил. Этот человек в жизни покладистый и неконфликтный в постели превращался в страстного подчиняющего самца. Мне такой контраст понравился. Я всегда была открытой для экспериментов, и эти самые эксперименты не заставили себя ждать. Наши ночи были фееричными и ненасытными. Однажды он просто приехал и забрал меня сразу со всеми вещами. Так вот внезапно я к нему и перебралась. Наша совместная жизнь была похожа на сказку, и я боялась, что однажды она превратится в очередное испытание.

Женя перезнакомил меня со всеми своими друзьями и коллегами, брал меня на дни рождения родственников и корпоративы. Для всех мы стали парой. Делали все вместе и отдыхали тоже вместе. Я будто узнавала жизнь заново. И удивлялась – неужели так бывает? Неужели так и живут счастливые люди? Единственное чего он мне не говорил – это слова любви... От бывшего я все время слышала признания, и они как-то быстро обесценились. Видимо, мой мозг разучился воспринимать их адекватно. Но Женино «люблю» я чувствовала всем своим существом. Он это показывал в своих объятиях, поступках, разговоре – и я ему верила. Я стала частью его жизни, частью его самого. Меня приняли его родители и друзья, и я, как слепая, которая вдруг прозрела, удивлялась нормальным человеческим отношениям и все больше боялась потерять свое чудом обретенное счастье. Да, влюбилась в него навсегда и безвозвратно.

Снова замуж я не рвалась, да он и не предлагал. Нас все устраивало: мы, друзья, работа. Мы и не заметили, как наступило лето, и мы чаще стали выбираться на природу. На одной из таких вылазок нам повезло познакомиться с похожей компанией отдыхающих. Мы быстренько объединили столы. Отличное решение! За бокалом вина и шампуром сочного мяса знакомство шло отлично. Ребята устраивали гонки на надувных матрасах, закапывали друг друга в песок как можно глубже, точно туземцы. Женя был обходителен и внимателен – другого от него не стоило ожидать. Я радовалась, как ребенок, и купалась в своем безграничном счастье. Чуть позже подъехал опоздавший из новой компании знакомых. Егор. Такой же высоченный, как и Женя, только чуть шире в плечах, с черными волосами и цепкими карими глазами. Он был очень похож на меня. Я даже рот открыла, когда

нас представили. «Гор! Мы твою сестру нашли!» – орал Федор ему на ухо. Фитнес-тренер, кстати, не пьющий. Окосел сразу же после первой выпитой рюмки.

Егор мило улыбнулся мне и перевел взгляд на Женю, протянув руку в приветствии. Отдохнули мы в итоге великолепно – дурачились и были беззаботны как никогда. Егор, вопреки моим страхам, оказался компанейским и очень приятным человеком.

– Викуль, ты должна знать кое-что обо мне.

Внутри все заледенело. Все. Вот он, этот самый конец, который и со мной так же, как со всеми, случился неожиданно.

Мы сидели на кухне. На столе – чашки с чаем, бутерброды. Поздний завтрак выходного дня закончился, так и не начавшись. Женя медленно забрал из моих рук крышечку от сахарницы и крепко сжал мою ладонь.

– Вика, – взгляд мне прямо в глаза. – Ты для меня все, и я не хочу врать тебе. Понимаешь, я э-э... ну...

– Говори!

– ...бисексуал, – выдавил он еле слышно.

Первое, что я подумала, – «хух, пронесло...»

– Все нормально, Жень, – ответила я максимально спокойно. – В моей жизни тоже была любовь к девушкам.

– Тогда ты поймешь меня, – оживился он, хотя все равно сильно нервничал. Я впервые наблюдала такое поведение с его стороны.

– Понимаешь, он такой невероятный...

– Э-э-эм... Что? – я почувствовала себя идиоткой.

– Понимаешь, я влюбился и хочу...

Он влюбился... Что? Что за?.. Как отбойным молотком по голове. Даже сейчас он не говорил, что любит меня. А кого-то – да, любит.

Я медленно вытянула свою руку из его ладони.

– Вика, я... очень хочу, чтобы ты тоже его полюбила, – последние слова я услышала сквозь быстрые четкие удары сердца, которые превратились в бесконечный

шум в ушах. Он мне еще что-то говорил, смотрел на меня затравленно умоляющим взглядом. Весь его вид говорил: «Я не специально, так получилось...»

Помнится, бывший муж этим своим «так получилось» оправдывал каждую пьяную кому. Кажется, я опять потеряла мысль и сравнила теперешнюю жизнь со своим прошлым. Мне вновь захотелось умереть. Я абсолютно не понимала, как можно любить сразу двоих. Сердце упало. Возникло желание уйти, не слышать, не видеть. Ни-ко-го! Убежать в самые далекие дали, спрятаться от него. Возможно, в этих беспросветных дебрях я хоть на какое-то время не буду чувствовать эту ужасную боль. Женя медленно обнял меня. Внутри что-то надломилось. – Ну, что ты так, малыш... Я не хотел этого, но понимаешь, я вас обоих люблю. Одинаково сильно, – говорил он беглым шепотом мне в ухо.

Любит. Меня он тоже любит? П-правда?.. Я разрыдалась. Попыталась освободиться

из его объятий. Женя не отпустил и не дал уйти. Мы просидели до самого вечера в квартире, и лишь когда на город опустились сумерки, я провалилась в беспокойный сон. И даже сквозь это сонное марево чувствовала, как Женина рука гладит мои волосы, а губы целуют мои заплаканные щеки и шепчут тихое «прости».

Как и следовало ожидать, утром я проснулась с опухшим лицом, мутными красными глазами и отеком, натертым салфетками носом. Жени уже не было, он всегда уезжал на работу раньше меня. А мне с таким лицом можно было разве что в вытрезвитель. Надо было привести себя в порядок. Масочка, кремушек... Сейчас я на человека буду похожа, хоть в душе и дыра. Остановилась с голубой мордашкой посреди коридора. Зеркало на всю стену отразило инопланетное существо с улыбкой сумасшедшего ученого – вспомнила, что меня любят.

Следом пришло осознание: не меня одну.

И еще: зато одинаково!

Кто же он?

Точно! Я даже не спросила, кто он такой. Ну почему я такая глупая? Это же важно в таких ситуациях. Хотя черт его знает, я в подобные истории еще не влипала.

От размышлений и внутренних копаний меня отвлек дверной звонок.

– Привет, Егор, Женя на работе.

Молодой человек в дверях растерянно осмотрел меня.

– Привет, выглядишь экстравагантно, – уголки губ изогнулись в настороженной улыбке.

– Чего? А, – под посиневшим от высыхания слоем маски лицо покрылось пурпурными пятнами, и я почувствовала, как заливает краской даже уши. – Входи. Я сейчас умоюсь и подойду.

– Хорошо, что Женьки нет. Я, вообще-то, к тебе пришел. Нам поговорить надо.

С минуту я молчала, рассматривала его. Все-таки вчерашний стресс сделал свое дело. До сознания со скоростью улитки устремилась прописная истина.

– Так это ты! – и я попятилась от него, пока не почувствовала за спиной стену.

Он нахмурился, но не стал ни отпираться, ни подходить ко мне.

– Да, – так тихо и так просто. – Видимо, он уже тебе рассказал. Поторопился немного...

Я глупо уставилась на него.

Егор действительно красивый. Умный, успешный, привлекательный. Но в голове моментально сработал какой-то стоп-кран, заблокировавший мое влечение и не дающий рассматривать его как мужчину.

А вдруг он вообще гей, а не всеядный, как мы с Женей? Я скоро свихнусь от бесед с собой.

Егор все это время рассматривал меня на расстоянии. Ситуация патовая. Как принять его? Как впустить в свой мир? Этот мужчина не вызывает у меня опасения или отторжения, но делиться своим Женей, да еще и в нагрузку подарить себя...

Дух противоречия и чувство собственности орали мне, что так поступают законченные идиотки. А своим чувствам я привыкла доверять.

– Вик, все зависит от тебя.

Наше счастье зависит от твоего решения.

Отлично! Два здоровых мужика ждут моего вердикта! Это точно не то, чего я хотела. Хорошо устроились! Принимай, Вика, решение, а мы подождем.

Да что за хрень творится?!

Мне нужно время! Много, мноооого времени! А они мне его не дают!

– Надо подумать, – выдавила я из себя.

– Хорошо, Вик.

– Я хочу, чтобы ты сейчас ушел.

– Нет, – твердое, но спокойное.

Этот человек привык подчинять. В нем чувствовалась сила, которой хотелось покоряться. Но я все равно продолжала воспринимать его как угрозу. Все мои чувства будто взбунтовались против него. В голове беспрерывно звучало

«он заберет твое счастье, он опасен». Хорош, сукин сын, но опасен.

Я знала о Егоре только то, что они с Женей дружат, и что работает он в какой-то частной фирме, занимая должность директора по маркетингу и связью с общественностью. Ну да, я со своим дизайном совсем не вписывалась в их компанию.

– Вик, давай по чашечке чая? – кажется, я опять утонула в размышлениях.

Не помню, что он мне тогда говорил. Вообще. В тот день Женя застал меня сидящей на кухне в обществе двух чашек остывшего чая. Он опустился передо мной на колени и обнял.

– Прости меня, – шептала я, уткнувшись в его грудь, – прости, Жень.

– За что? – тихо мне в волосы.

– Я не могу...

Через несколько дней я покидала в чемодан вещи и уехала. Сбежала.

Поездка в Крым к сестре затянулась на месяц. Я честно пыталась не думать, выбросить из головы все

воспоминания и начать с чистого листа. Как-то полезла в горы и, сидя на огромных валунах в полном одиночестве, была в ночное небо. Где-то вдалеке мне вторили псы, затягивая унылые ноты, а я, умываясь слезами, тосковала, мучилась от невозможности собрать в кучу собственное сердце.

Я, будто потерянная, неделями жила у своих родственников и друзей, умудрившись навестить всех, кого давно не видела.

Но так не могло продолжаться вечно. В кошельке зазвенели монетки, счет на карте стремился к нулю. Лето близилось к концу, а погода уже дышала освежающим холодком, вынуждая вспомнить, что вся мало-мальски теплая одежда осталась там, в квартире, которая недавно была моим домом.

Такой и нашли они меня у родителей на даче. Рано утром меня разбудил шум подъезжающей машины, а затем – громкий стук во входную дверь. В тишине

послышалось шлепанье маминых тапочек и щелчок замка.

Родителям я сказала, что с Женей мы немного повздорили.

– Здравствуйте, мальчики. Она еще спит.

М-м-да... Спокойный тон мамы свидетельствовал о том, что она знала об их предстоящем визите.

Меня с чемоданом погрузили в машину и куда-то повезли.

Я сидела на заднем сидении и молча наблюдала сквозь тонированное стекло, как с детства знакомый пейзаж шустро убегает за горизонт.

Как же я устала тосковать. Быть одной – это безумно тяжело.

– Ты зачем себя так извела? Худая, как щепка...

– Жень, не надо, – Егор коснулся его колена, а я закусил губу и прикрыла глаза. Хочу сбежать от реальности. Не чувствовать и не знать. Не видеть ничего.

– Так, – Женя вздохнул, Егор остановил машину у обочины среди шоссе.

– Сейчас мы едем домой, откармливаем тебя,

приводим в чувство, а там видно будет. Я очень рад тебя видеть, Вик. Я очень скучал.

Наши взгляды встретились в зеркале заднего вида. На меня смотрели такие же измученные, как и мои, голубые и карие глаза. Я вновь отвернулась. Из-под прикрытых век покатились непрошенные слезы.

Дома у Жени... и Егора...

Переступая порог, я поняла, что все так и есть. Это, конечно, уже не мой дом.

Хоть тут и стоит диван, на котором мы... который мы с Женей купили совсем недавно. А на столе живут купленные мной чашки без блюдец – я их случайно разбила сразу после переезда. Здесь все равно слишком многое напоминало о нас.

Бессознательно провела рукой по столу, который был отреставрирован нами пару месяцев назад, и теперь стоял нарядный, сверкая потертыми «под старину» стройными ножками. Егор подал какую-то новую кружку с дымящимся чаем,

а я ненадолго зависла, вглядываясь в поверхность напитка. Зачем я здесь? Что тут делаю?

– Ты нам нужна, – Егор говорил тихо, глядя мне в глаза. – Поверь, я не отберу. Я дам.

Его бархатный вибрирующий голос вывел меня из оцепенения. Мы стояли на балконе, укутанные приближающимися сумерками. Раньше я часто приходила сюда посмотреть с высоты девятого этажа на спящий город – это успокаивало. А теперь навеивало меланхолию и чувство непричастности. Он стоял за мной. Говорил, как всегда, уверенно.

– Понимаешь, за это лето многое произошло с нами.

Я тоже очень сильно изменился. Ты меня не принимаешь, потому что я для тебя чужой. Но знаешь, когда ты ушла, он...

– Он должен быть счастливым. С тобой. Это я тут лишняя.

– Мы без тебя не можем быть счастливыми. Нас без тебя нет.

– Вас?
– Вика, мы – это ты, Женя и я. Уже давно развернувшись, я смотрела на него и не понимала.
– Мы любим тебя, потому что ты – часть нас. Еще в начале лета я увидел на парковке девушку, невероятно похожую на меня. Ты тогда уронила пакет с продуктами, и яблоки рассыпались повсюду, а одно подкатилось к моей ноге. Я смотрел, как ты пыталась достать их из-под машин, а потом подошел Женя. Знаешь, у меня, как и у тебя, все валится из рук, когда я нервничаю. И когда нас свела судьба во второй раз возле реки, я для себя решил, что уже не отпущу вас двоих. Прости мне мой эгоизм.
– Погоди... так ты не гей?!
– Нет, я такой же, как и вы, – он нежно улыбнулся. – Вик, дай нам шанс, прошу. Либо мы вместе, либо нас нет. Этот тихий шепот приближался ко мне и окутывал. Просил. В тот день я впервые

проснулась между Женей и Егором. Они крепко обнимали меня, и от их сопения было так уютно и тепло, что я, закрыв глаза, вновь уснула. Со временем я стала по чуть-чуть привыкать, что в нашей с Женей жизни есть еще и Егор. Они не отгораживались от меня, и я никогда не ощущала себя настолько нужной, как в эти дни. Выражение «третий лишний» потеряло для нас смысл, как только я приняла происходящее и перестала выстраивать стены. Ко мне Егор относился, как к чему-то ценному и хрупкому. Заботился и оберегал, моментально улавливая мое настроение и ловко подстраиваясь под него. Секса у нас не было долго, хотя «пекло» и «чесалось» уже давно. Ночью, когда я засыпала между ними, мне казалось, что нужно уйти, оставить их, но меня не отпускали, гладили и нежно целовали. Наш первый поцелуй с Егором я помню так, будто это было вчера... В конце довольно теплого

сентября, после встречи с давней приятельницей, я приехала домой слегка хмельная. Меня встретили объятиями – мальчики были мокрые, после душа, и я явно чему-то помешала... – Я, наверное... пойду, – вымучила с порога, едва справляясь с заплетающимся языком.

– Куда? – в два голоса.

– Ну-у... как бы... Вы-ы... – я мастер звукового сопровождения.

– А может... – лукавый взгляд Жени не ускользнул даже от меня.

– Мы? – от Егора прилетел хищный взгляд.

Пока меня разували и раздевали, я размышляла над этим его «мы».

Пьяный мозг с трудом имитировал умственную деятельность, и я все чаще просто возвращалась к началу, стоя перед ними и глупо улыбаясь. Кадры, нарезанные и склеенные в неумелом монтаже, мелькали перед моими глазами, сменяя прихожую на гостиную, а гостиную – на спальню.

Передо мной возник Егор.

Он улыбался широкой открытой улыбкой, нежно смотрел на меня, а большими пальцами гладил мои запястья. От такой незатейливой ласки меня стало потряхивать. Я давно заметила, что так Егор смотрит и на Женю, даже на расстоянии обнимая его и лаская. Вспомнила, что и меня тут тоже любят...

Отвлекаясь на свои мысли и воспоминания, я не заметила, что Женя давно обнимает меня со спины. Одной рукой он поднял мою рубашку и крепко зафиксировал мое лицо так, чтобы я смотрела на Егора. Другой рукой он начал гладить мой живот, пробираясь все выше.

Егор быстро накрыл мои губы в голодном поцелуе и с силой ворвался в мой рот, толкаясь горячим языком. От такого напора я поплыла и опьянела еще сильнее. Они целовали меня вдвоем, и от накатившего на меня ощущения неожиданного счастья, такого огромного, что не вместить ни в одно сердце, я... едва не

заплакала.

«Меня любят?»

«Любят!» – доказывали они мне.

«Я не одна?»

«Никогда!» – чувствовала я их ответ.

«Что это?»

«Счастье!» – осознание чуда эхом отражалось в моем

сердце.

Вы спросите, как можно любить двоих? А я отвечу, что это очень просто, ведь меня любят так же сильно, как и я.

КАК ПОТРОГАТЬ СЧАСТЬЕ

За ночь руки капитально уставали: в каждом сновидении Лео что-то месил, выравнивал, завязывал, переворачивал, устало вытирал пот со лба, и снова приходилось таскать и переставлять. Днем у него рук не было: потерял в раннем детстве, играя с безответственно брошенной бензопилой. Мать не смогла себе простить и порывалась стать рабой сына-калеки на всю жизнь. Отец не смог простить мать, выгнал ее и нанял настоящих рабов: врачей, тренеров, учителей. Мать звонила, наверное, плакала, но он не мог держать трубку, поэтому с ней не разговаривал. Отец, понимая, что инвалиду помогут только серьезные деньги, начал зарабатывать, как хищник. У Леонида появилась все самое лучшее,

самое совершенное: механизмы, протезы, препараты, репетиторы. Они с отцом жили в под завязку набитом ультрасовременной техникой особняке, по пять раз в год ездили на курорты, лучшие игрушки, которыми никто не играл, занимали две большие комнаты. Не имея возможности бегать до одури с пацанвой, Леня много читал. Интернет вымуштровал редкую эрудицию, новейший ноутбук позволял учиться больше и лучше одноклассников. Взрослые говорили: – У тебя все лучше, чем у других, так что не печалься, – а сами тревожно опускали глаза. Поэтому он им не верил. Да и лучше, чем у других, не хотел. Пусть будет так же: с обычными двумя руками, можно не совсем умелыми, некрасивыми,

волосатыми или покрытыми красными занозистыми заусеницами.

Когда ему исполнилось шестнадцать, отец выстрелил словами коротко и прямо в цель:

– Тебе пора трахаться. Сегодня придет Альбина. Не стесняйся.

Лео впал в ступор, хотел что-то спросить, уточнить, но слова застряли в горле комьями ваты, так что не вытолкнуть, хорошо бы просто дышать сквозь них. Он зашел к себе: дорогой гарнитур темного дерева, огромный плоский телевизор на стене, отдельно маленький диванчик – место есть. Дальше заставленный книгами кабинет для занятий, туда тоже можно пойти, но зачем? Санузел персональный, приспособленный только для него. Такая маленькая квартирка внутри особняка. Нажал коленом на кнопку в стене спальни – к центру поползли тяжелые темно-зеленые портьеры. Расправить кровать или не надо? Лечь? Раздеться? Как вообще принято? Леня не больно представлял себе, как

это будет: опереться не на что, значит, сверху не получится. На всех картинках или видео партнер придерживал партнершу руками. Значит, они очень нужны. Разве что сзади попробовать. Он решил почитать, ушел в учебную, книги всегда успокаивали, сразу верилось, что обязательно найдется ответ. По теме подвернулась «Яма» Куприна, Лео запрыгнул на диван и зачитался, забыл, что именно искал.

Альбина пришла: сдобная, чистенькая, пахнущая земляничным мылом. Явилась минута в минуту. Ее подготавливали, потому что взгляд сочувствующих голубых плешек не опускался на уровень шелкового халата с пустыми рукавами. Она включила музыку, разделась. Под платьем чулки врезались в розовые ляжечки, грудь рвалась наружу из тесного подстаканника корсета. Она подошла, покачивая бедрами, как будто несла внутри себя супницу, в которой плескалось что-то невообразимо вкусное:

– Помогу тебе лечь? – она

смотрела взглядом медсестры, без зова, просто с состраданием.

– Нет, я сам, – голос охрип; в глаза он старался не смотреть: только на грудь. Рывком распахнул и сбросил халат. Альбина отвернулась, но всего на миг. Когда она снова посмотрела на него, Лео лежал на кровати совершенно голый и растерянный. Она начала издалека: приникла губами к ключице и стала спускаться, облизывала соски, пупок. Потом встала, потянулась и начала медленно стягивать чулки, корсет. К тому моменту Лео перестал думать, как все будет, просто стонал и вздрагивал. Самка, уже голая, легла сверху и потерлась пышными грудями о его лицо, он рвался за ее коричневыми сосками жадным ртом, как голодный охотится за крошками. Груды поползли вниз, ее губы снова присосались к его торсу. Когда ее язык стал облизывать его пупок, груди обняли онемевший в экстазе член, и их обрызгало обильно белым, стыдным. Лео взвыл, сладкая судорога схватила в плен

и долго не отпускала. Сквозь спазмы душила обида. Все? Это все? А как же секс?

– Это нормально в первый раз, не переживай, – она нежно поцеловала его в лоб, не спеша, по-деловому оделась, посмотрела на кровать, где лежал Лео, весь красный, то ли радуясь, то ли страдая. – а ведь у тебя и этого... ну, ручного-то секса не было, – пожалела она, – хочешь, завтра приду? Он хотел сказать «нет», но голова сама по себе предательски кивнула. Она еще раз посмотрела, потом вздохнула и укрыла его пледом. Ушла. Отец ничего не спросил, даже не заходил. Утром Лео мучился, не знал, как сказать отцу, что пригласил ее снова. Тот сам пришел на помощь:

– Можешь вызывать Альбину, когда пожелаешь. Но только ее, не других. Эта чистая, проверенная. Я заплачу, не переживай, – отец встал и нырнул в холодильник по пояс. Кажется, ему тоже не легко давались уроки сексуального воспитания.

Альбина заявила вечером,

когда он уже измучился, представляя себе, как она отказывается, как отец или кто-то еще ее заставляют, уговаривают. В конце концов перестал ждать, и тут она пришла. На этот раз прямо под пальто струился алый пеньюар, прозрачный, нежный, подающий все прелести, как в рекламном ролике. Все случилось по-другому. Сначала она его раздела, снова уложила на спину, стала гладить от скул до колен, невзначай задевая набухший член, как будто случайно касалась, легонько. Когда его дыхание сделалось прерывистым, она осмелела, схватилась за призывно торчащую рукоять и стала вертеть им, как игрушкой. В одну сторону повернет – искры из глаз, в другую – пол и потолок меняются местами. На пятом разе все закончилось. Альбина пошла мыть руки, а Лео опять погрузился в пучину блаженства, смешанного с отчаянием. А как же вагина? У него в распоряжении настоящая сочная самка, а он никак не заберется внутрь ее. Как есть, калека.

Наутро отец удивил:

– Я оплатил Альбину на две недели. Жди.

Лео чуть не подпрыгнул от восторга.

В третий раз все случилось, как накануне, только вместо алого пеньюара на ней красовался голубой. На четвертый раз ей пришлось потрудиться над его членом подольше, он уже не кончал с трех поглаживаний. Леня ждал, что в этот раз наконец-то все получится, как должно быть, но Альбина завертела головкой члена, как подшипником, туда-сюда, забегала проворными пальчиками от основания до кончика, а когда он уже дрожал в предвкушении, взяла и лизнула оголенную маковку. И сразу брызнул фонтан. – Ну все, завтра берегись, – сказала она на прощанье, видимо, тоже улавливала флюиды неудовлетворенности, разбрызгивающиеся по комнате.

Утром отец внимательно посмотрел на сына, встал из-за стола, подошел к двери и плотно ее притворил:

– Ты думаешь, Леонид, что

все прыщавые шестнадцатилетки трахаются? – вы- бирать слова он не привык, должность не та. – Ни хрена! Все они дрочат. Каждый день с утра до вечера. А тебе повезло: за тебя подروحит красивая профессионалка. Так что не думай, все у тебя, как у всех. Даже лучше.

Лео покраснел, клацнул протезом по стеклянной столешнице, чуть не уткнулся носом в йогурт.

– Че нос-то повесил? Как всегда, у тебя все лучше, чем у других. Не дуйся.

Значит, Альбина докладывала отцу. Хмм... Этого следовало ожидать. Нравнодушный папаша везде совал свой нос, привык бдеть над сыном-инвалидом, не отучишь. Вечером Альбина явилась, как по расписанию. Лео хотел обидеться за то, что доносила про их игрища, но необузданное либидо не позволило: снова сидел как на иголках, чуть не повизгивал, пока она медленно расстегивала блузку, поправляла груди в атласном бордовом лифчике, оттягивала большими пальцами резинку

крошечных трусиков и отпускала, чтобы кружево прилипло к круглой попе. Подошла к нему, и Лео послушно лег на спину.

– Не спеши, – она потянула его за волосы, усадила, уперев носом в свои ребра. Он начал ее облизывать, лифчик полетел на пол, язык нащупал прохладу мясистых грудей, сладкие соски. Альбина поелозила перед его лицом обнаженным торсом и усадила спиной к спинке кровати, расставила его ноги пошире. Лео приготовился, ждал, что сейчас наконец-то распахнется долгожданная расщелина, пахнувшая терпко и призывно уже целую неделю, даже касавшаяся пару раз его тугой кочерыжки, но до сих пор неизведанная. Альбина сняла заколку, волосы побежали наперегонки с его возбужденными мурашками. Она привычно схватилась руками за член, вытянула, полюбовалась. Лео хотел сказать, что сегодня уже хотел бы по-настоящему, как надо, но не успел: пухлые губы сомкнулись на головке, заставляя забыть все слова.

Она лизала его, как эски-мо, причмокивая, щекотала языком. Через полминуты все закончилось, как обычно, только в этот раз он испачкал ей лицо.

– Ну как, – спросила она, вытирая губы.

– Это... Это... Это фантастика, – он захлебывался спазмами и восторгом.

– То-то и оно. Жди, завтра тоже будет. И вообще, от минета не устают и не отказываются.

И завтра случилась та же головокружительная феерическая радость, и послезавтра, а в конце второй недели, когда он мечтал только о ее губах, она уселась на него верхом, распахнув крутые бедра. Сначала поводила его горячим едва не позванивающим от напряжения членом взад-вперед по своим наружным губам, пощекотала, и медленно, уверенно ввела внутрь, обволакивая требовательным теплом.

Альбина оказалась опытной и изощренной наездницей: скакала лихо, с подворотом, с покрикиваниями. Лео мычал, стонал, верил и не

верил своему счастью – абсолютному, безоговорочному. Он сдерживал изо всех сил рвущийся наружу поток: за две недели уже приноровился. Глаза не закрывал, смотрел, как прыгают груди, как сокращаются мышцы живота, силился запомнить, сфотографировать, и тут кончил. Взвыл, выгнулся дугой и удивленно услышал ее поскуливание. Оказывается, и ей должно быть хорошо. С того дня он стал штудировать труды по сексологии, по анатомии, физиологии. Проверенная поколениями Камасутра тоже не осталась в стороне. Альбина приходила трижды в неделю, он ее ждал, горячась и истекая похотью. Лео впервые стал задумываться о том, как он выглядит: купил дорогой одежды, записался к модному парикмахеру, который без устали нахваливал густые темные волосы. Он сменил очки на линзы, потом, подумав, попросил цветные, пусть мутно-зеленые глаза будут по будням, а по праздникам он станет надевать темно-карие, такие больше

подходят к волосам. Нос, освободившись от очков, удивил правильной формой: прямой, точеный, в меру длинный. Выходило, что Лео – настоящий красавчик.

Инвалидность закончилась вместе с выпускным в школе.

За границу отец, конечно, не отпустил, но в Москве все вузы приветливо протягивали чистенькие зачетки.

Мечта стать инженером вполне логично не встретила понимания у отца, что ж, нархоз тоже неплохо. Однокурсницы засматривались на высокого худого парня, который не вытаскивал рук из карманов, а на лекциях слушал не записывая. О протезах они не знали, поэтому буквально вешались на шею. Холодность только помогала выжимать вздохи из прекрасного пола. Когда он уходил, так и не предложив свидания, не пожав руки, они терялись и почти рыдали. Впрочем, иногда он проявлял сочувствие и соглашался подвезти ту или иную барышню на своем шикарном «Мерседесе» с учтивым водителем. В ухе у Лео

всегда белел наушник, телефон и компьютер подчинялись голосовым командам. В принципе, особой нужды размахивать руками не было, а по мелочи, например, поесть или пописать, протезы вполне справлялись.

На месте Альбины уже побывали и Марго, и Аннет, и Ярослава: нежные, умелые, отлично выдрессированные. Леонид научился употреблять их ласки разнообразно, с изысками, так, что даже бывалые мамзели удивлялись, а потом хвалили. Много трюков сам придумал, переработал опыт человечества, исключив из репертуара ублажений руки. Больше всего ему нравилось, чтобы и у партнерши руки бездействовали: ни ему, ни ей. Долго стоять друг перед другом, включив таймер, по его сигналу тереться сосками, облизывать, дозревать. Через пять минут очередного писка ждали оба, как непоседливые ученики переменки. Через десять – уже извивались от нетерпения, через пятнадцать таймер ускорился, увеличивая ка-

жду порцию на несколько крупинок сладости. Через полчаса начиналось собственное действие, но женщины не хватало первых движений внутри распаленной вагины, чтобы кончить. А он научился контролировать себя, мог вообще сохранить семя. А что? Если древние монахи так умели, ему-то что мешало?

По ночам он все так же капитально уставал, также пилил и приколачивал, но руки, всегда готовые поработать, отказывались трогать женские тела. Он ложился спать, загадывая, что во сне непременно дотронется до упругой ягодицы, сожмет податливую грудь. Специально устраивал недели воздержания, чтобы подсознание подкинуло подходящий сон, и он приходил, дразнил перламутровыми женскими прелестями, тряс ляжками, заигрывал, но пощупать не позволял. Утро заставало его в испачканной постели, чресла казались легкими, а голова тяжелой. Он вызывал из агентства новых девушек, незнакомых.

Излюбленной фантазией стало скрывать изъясн. Приходила очередная Лейла, он сам открывал дверь, сам проводил в комнату с зажженными свечами, кивал на бокал вина, загодя наполненный в ожидании гостьи. Они долго сидели, разговаривали. В мастерстве вести дискуссии Лео преуспел, умел поддерживать беседу на самую экзотическую тему, например, приемы художественной вышивки или марокканские брачные обряды. Потом он уходил в ванную, там снимал брюки, трусы и выходил к даме в оранжевой толстовке, спрятав протезы в карманы. Компьютер включал заранее запрограммированную музыку, и он начинал танец, извиваясь бедрами. С каждым движением его орудие наполнялось желанием, восставало, приходя в боевую готовность. Партнерша глядела с восторгом, потом присоединялась к танцу, постепенно разоблачаясь. Если она хотела дотронуться до рук, он умело уворачивался. Воспаленный конец касался сзади ее круглых ягодиц,

протискивался в промежность, будоража и пьяня. Наконец, наигравшись, он брал ее сзади, оперев на комод. Двигался уверенно, долго, руками не прикасался, управлял бедрами, как лошадью. Женщины легко уступали, всем нравилось. Насытившись, они уходили, так и не догадавшись, что у партнера нет рук. Самолюбие Лео удовлетворенно посапывало в теплой ванне, а фантазия рисовала новые и новые гиперпланы. В общем, с сексом все складывалось удачно, скорее всего, и в самом деле значительно лучше, чем у сверстников, но Лео так ни разу и не потрогал женские прелести в своих утомительных снах. Он смотрел на ночь эротику и порно, клал под подушку журналы, но во сне чаще всего являлись дрова, которые нужно распилить бензопилой, и никаких вязких грудей в ладонях. Леониду надоели равнодушные профессионалки: ему хотелось настоящих отношений. Прореху в броне недоверия и настороженности

пробила блондинка Ирина: дерзкая, большеглазая, с классическим античным профилем и тонкими запястьями. Лео ее поддел, она ответила колкостью, так и зацепились. Назавтра он не смог пройти мимо:

– В д’Орсе есть малоизвестная картина Моне – как будто с тебя писана.

– Ты был в Париже? Не знаешь, как похвастаться?

– И не думал, – он растерялся, – а в монастыре под Новгородом есть икона, похожая на меня. Вот, теперь похвастался.

– А в Прадо был? Маху видел?

– Да, был, конечно. Они там рядом висят, обе: голая и одетая. Над дверью. Но меня больше впечатлил Патинир и еще, знаешь, неизвестная Джоконда. Точь-в-точь Леонардовская, только красивее, не потертая, не зеленая, как в Лувре.

– Опять хвастаешься? Ну, ладно. Я хотела проверить, ты правда сечешь, о чем речь, или выучил два названия, чтобы к девчонкам клеится, – она рассмеялась, и

в аудитории стало светлее.

– Хочешь, ходим вместе в Пушки, я тебе расскажу, в чем секу, – он замер, ожидая ответа.

Разумеется, она хотела. Он всю дорогу не вынимал рук из карманов и не закрывал рта. Такого гида Ирине еще не попадалось. После музея она ждала продолжения, чего-то наподобие кафе, хотя бы мороженого, и он это понимал, готовился, но в последний момент передумал, испугался. Просто подвез домой на своем блестящем «Мерседесе» и вежливо поблагодарил за чудесную прогулку.

В понедельник она уселась рядом на парах, колко комментировала ляпы профессора и предложила жвачку. Лео хотел отказаться, но решил рискнуть:

– Давай свою жвачку.

Ирина протянула упаковку, выдавливая гладкую мятную пуговку из ее кишок.

– Нет, сама положи мне в рот, своими пальчиками. Она удивилась, даже фыркнула, но его темные глаза под линзами оставались

непроницаемыми, а рот уже открылся, два ряда жемчужин застыли в ожидании.

Она аккуратно выдавила между ними две подушечки.

– Спасибо, но в следующий раз возьми пальчиками и положи мне в рот.

Она рассмеялась, хотела толкнуть его в плечо, но Лео умело увернулся, ее кулачок протаранил пустоту.

Через неделю стараний он понял, что пора говорить правду. Дальше увязать опасно, больно будет. Пригласил на ужин и сказал как есть.

Ирина не удивилась:

– Я видела, что ты скрываешь что-то. Думала, жену или девушку. А так, ладно, у каждого свои проблемы.

– А как же....??? – он красноречиво посмотрел на ее грудь.

Она тоже опустила взгляд:

– Что? Пятно у меня? Куда смотришь?

– Я про дальнейшее... ты не захочешь со мной встречаться, наверное...

– Ммм, дай-ка подумать...

Захочу. Точно, захочу. У многих некомплект: у одного нет рук, у другого – мозгов, у

третьего – души. Еще неизвестно, что страшнее.

Про секс он, разумеется, не спросил, и так большой шаг сделан.

Теперь Лео не стеснялся при ней вытаскивать руки из карманов, есть, брать вещи. Через неделю попробовал поцеловать: просто прислонился лицом, нашел губы. Она могла отодвинуться, если бы захотела. Его рот наполнился мягким дыханием, нежно щекочущей мятой, мурашки побежали вдоль позвоночника. Он закрыл глаза, внутри заплескалась подогреваемая ими мечта. Долго жить грезами не пришлось: Ирина на выходных пришла к нему в гости и осталась. Лео выключил свет, верный механизм плотно задвинул тяжелые шторы. В темноте она разделась, залезла под одеяло. Он не видел тонких лодыжек, изящных предплечий, торчащих беззащитных ключиц, но представлял ее всю, в деталях, лучше, чем Лолу или Камиллу, рассмотренных вблизи при ярком свете. Все было продумано заго-

дя: он разделся, оставив протезы и тонкий джемпер, так, чтобы все необходимое оголилось, а ненужное, обидное спряталось. Подлез под одеяло с краю, приподняв едва-едва, и прижался всем телом к горячей, замершей в ожидании спинке. Ира повернулась и крепко обняла его за ребра, прижалась к джемперу. Он начал осторожно целовать шею, соски, живот. Нагулявшись по телу, уселся напротив доверчиво раскрытой промежности и вошел нежно, долго оттягивая миг полного погружения. Потом застыл, проверяя, удобно ли ей, уютно ли держать в своем тепле его кончик. Оказалось, удобно: Ирина посапывала от возбуждения. Тогда он начал двигаться, разгоняясь, предательское одеяло окончательно ретировалось. Он сидел, как царь на троне, погружая скипетр раз за разом в подвластную ему стихию. Жезл накручивал спирали, как мясорубка, выдавливая новые порции плотского наслаждения, стихия стонала, хваталась за волосы, бормо-

тала что-то нечленораздельное. Он остановился, перевернул ее одними бедрами и начал новую игру, теперь в пастуха, пасущего ретивую козочку. Его дудочка пела и плясала, козочка вертелась на кончике, как привязанная. И пылающие наружные губки обласкала сочащаяся спелостью головка, и внутрь заныривала с проворностью, и до клитора добралась, уперлась в мягкий бугорок, заелозила. Ирина закричала. Лео не остановился. Снова по наружным, внутрь, клитор. Еще один крик. Себе он позволил расслабиться только через полчаса. Такого эксперимента еще не проводилось. Проверил ощущения – фантастика.

Ирина довольно румянилась и стала еще краше. После первой ночи она решительно заявила, что никому не отдаст свою безрукую находку, и потребовала продолжения банкета на следующий же вечер. Лео скромно согласился. Они почти не расставались: днем – в институте, ночью – в постели. Отец довольно приветствовал Ирину по

утрам, вечером желал спокойной ночи. А Лео все так же мечтал потрогать женскую плоть руками, хотя бы во сне. Он укладывался Ирине на плечо, засыпал, вдыхая ее запах, просил положить руку ему на член. Он думал, что так ему приснится эротический сон, где он сможет потрогать возлюбленную, погладить по спине, ощутить тепло нежной кожи. Секс во сне происходил также, как наяву: без рук. Лео просыпался, обиженный на фею сновидений и почему-то на свою партнершу тоже.

Так продолжалось больше полугода. Летом она начала намекать, что неплохо бы оформить отношения, но Лео теперь все больше заглядывался на Наташу – кудрявую конопатую веселушку. Он отмахнулся от намеков, Ирина посерела: – Думаешь, много желающих найдется к тебе в постель лезть? Или думаешь, я не найду другого, нормального? – А я, значит, ненормальный? – он внимательно посмотрел мутно-зеленым взглядом, давно уже не на-

девал для Иры романтических линз.

– Ты меня понял, – она фыркнула, – так сколько мне ждать? Родители ругаются, что я дома не ночую.

– Так ты ночуй дома, кто ж не дает? Наверное, сестренка с братишкой скучают вдвоем в комнате, третьей им не достает.

Вечером побеседовал с отцом.

– Ты сам видишь, сынок, девушка из небогатой семьи. Не исключено, что ей дом нравится больше, чем его хозяин. Много найдется охотниц за твоими возможностями. Будь осторожен и помни, что у тебя все лучше, чем у других.

На следующей неделе Лео пригласил на свидание Наташу. Все прошло, как по сценарию: поцелуй взволновал, опьянил, первая ночь кинула в глаза россыпь звезд, счастливый член пел соловьем, купаясь в новых красотах. После Наташи случилась Инга, потом Тамара. Лео перестал сомневаться в себе, он и без рук мог сделать девушку счастливой. Все или почти все хотели поселиться

в фешенебельном особняке, взять его знаменитую фамилию. А он не хотел.

После окончания вуза он написал диссертацию, империя отца, перешедшая в протезы сына, внесла его в списки богатейших предпринимателей, а заодно – и самых завидных женихов. С женским полом все складывалось, как по нотам. Лео уже и не вспоминал о протезах: раз не отпугнули предыдущий десяток, так и еще одна вытерпит. Так и происходило.

На тридцатилетний юбилей он пригласил всю компанию, начиная с самого маленького клерка. Шампанское пенилось фонтанами, столы ломились от деликатесов. Подразделения по очереди выходили на танцпол и извергали дикие стихи собственного сочинения, бездарные песенки или просто слова, казавшиеся им красивыми или глубокомысленными, а на самом деле точно такие же, как на любом другом юбилее. Когда дошла очередь до канцелярии, вперед вытолкнули маленькую круглоглазую

певунью с укулеле. Кажется, ее звали Галиной, Лео ее и видел-то всего пару раз. Она взяла в руки инструмент, и вечер для него закончился. Чистый голос тянул песню про паруса, про свободу, а у Лео внутри таяло мороженое, затапливая все вокруг липким блаженством. Как будто голос проникал внутрь и дергал за ниточки, щипал зудящие комариные укусы, вызывая волны блаженной благодарности. Под линзами защипало. Чтобы скрыть неожиданные, совсем не по делу набежавшие слезы, он опустил глаза и увидел свою вздыбившуюся ширинку. Вот оно в чем дело. Голос продолжал тянуть из него соки, выдавливать понемногу, с томительной приятностью, как будто нежная рука выполняет свою миссию, выжимая последние капельки удовольствия. Когда песня закончилась, он попросил Галину спеть еще, потом на бис. Оставив всех гостей, Леня и Галя вышли в холл, и он прибег к привычным трюкам – глубокомысленной болтовне, а потом предло-

жил поехать после банкета к нему, якобы попеть. Она отказалась. Неожиданно. Ладно, позовет, как обычно, длинноногую Лику. Ночью ему приснилось, что Галина лежит в одежде на его постели, не хочет раздеваться. Он снимает с нее юбку, блузку, бюстгальтер, трогает маленькие груди, распускает волосы, стягивает колготки и трусы, лезет руками в самое-самое. Она пищит, охает, тогда он начинает ее гладить, прохладная поначалу кожа нагревается, он берет обеими руками за ягодицы, она стонет, он крепко обнимает, прижимает к себе, но так и не может надеть эту маленькую послушную куколку на свой взъерившийся агрегат. Тогда он поднимает ее на руки, несет к подоконнику, усаживает на него, раздвигает послушные ноги, вот-вот наступит минута блаженства... И он проснулся. Стоп! Он трогал женщину во сне! Трогал по-настоящему, чувствовал ее вздрагивания, ее дрожь. Все, чего он так хотел.

Лео понесся в офис, забыв выпить кофе. Едва дождался начала рабочего дня, пригласил Галину. Она пришла, робко и испуганно улыбаясь. Оказывается, под густой

каштановой челкой прятался изумительный лоб, от губ он пришел в восторг – изящные, с родинкой на правой стороне чуть пониже уголка. Как можно было столько вре-

мени не замечать таких губ?

– Знаешь, я подумал, что вчера вел себя, как дурак.

В качестве извинения хочу предоставить тебе отпуск на неделю и назначить начальником культмассового отдела.

– У нас нет такого отдела, – она растерянно попятилась к двери.

– Знаю, теперь будет. Ну как?

И да, сегодня вечером приглашаю тебя в ресторан.

– Извините, Леонид Витальевич, я не могу.

– Почему?

– Я... не такая, – она улыбнулась, извиняясь, и стала еще краше. Хрупкая шейка, точные локотки – все это требовалось срочно обцеловать.

– Хорошо. Не надо ресторана. Просто отпуск и начальник отдела, – Лео понимал, что нельзя давить: она должна созреть сама.

Ночью он снова трогал Галину, с вечера до утра бесцеремонно лапал, щипал, обжимал, тискал. Обиженная Лика так и не дозвонилась. Проснулся счастливый.

– Папа, я встретил ту, кого искал, – обрадовал он отца за завтраком.

– Очень рад. Когда познакомишь?

Лео прикинул, сколько времени займет разбить ее недоверие, затянуть в сети своего обаяния, эрудиции.

– Думаю, через пару месяцев в самом худшем случае.

Отец выглядел удивленным, но промолчал, посмотрел на часы и встал из-за стола. Пора.

– А через год у нас свадьба, – крикнул Леонид ему в спину. Он знал, что теперь все непременно сбудется, ведь у него всегда так: лучше, чем у других.

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСКИЙ

ВЕЧЕР В ДАУНТАУНЕ

Незапамятным весенним утром Алла и Элла пили пиво на крыше детского сада. Только что их отчислили из школы сроком на две недели. Не только их двоих, весь одиннадцатый «А». За жестокую шалость авторитетной хулиганки-двоечницы, подсунувшей дохлого мышонка на учительский стул. Виновницу не выдали, и было решено наказать весь класс.

– Лично мне по барабану, – резюмировала Алла, подудев в полупустую пивную бутылку, нижняя губа прижималась к горлышку, и от резко выдыхаемого воздуха производился звук, менявший высоту в зависимости от объема содержимого в бутылке. – Подумаешь, наказание! А Викторию Валентиновну жалко, добрейшей души человек.

– Так этим и пользуются всегда, – поддакнула Элла.
– Либо ты, либо тебя. Умей внушить авторитет! Поставить себя не смог – вот и расхлебывай.
– Уродские законы социума.
– Почему? Норм, – возразила Элла. – Мы все тут пользуемся безнаказанностью, пойми. Оборзели до неприличия. Раньше как было? На рожон полез – изволь отвечать собственной шкурой. Авторитет учителя был непререкаем. Славное, черт возьми, времечко!
– Раньше – это когда секли?
– Да наши все, зуб даю, только об этом и мечтают. И директриса, и завучиха, и классная. Спят и видят во сне! С них же все ржут, пальцем показывают. А так – приструнили бы, пикнуть никто бы не смел.

– Да ладно, Элка, всегда хватало отморозков. Уважение, знаешь ли, заслужить надо. Угрозами и битьем уважать не заставишь.

– Заставишь еще как! – воскликнула Элла. – Тебя, неженку, просто не драли ни разу.

– Тебя драли, что ли, – усмехнулась Алла. – Такая же неженка.

– Ну и что, – не смутилась Элла. – Зато я могу себе это представить. Дико же больно было наверняка. Чем их там... Розгами! Вообразить, честно говоря, не могу, насколько это больно должно было быть. Читала свидетельства из девятнадцатого века – человека вчетвером держали, чтоб из-под ударов не вывернулся.

– Байки из склепа, – снова усмехнулась Алла. – Фигня это все. Художественное преувеличение. Лично мне это было бы по барабану. Меня бы не понадобилась держать. Стиснула бы зубы, выдержала и давай месть изобретать. Наоборот, только бы раззадорили такие репрессии. Бессмысленно это все. Доказано, что

толку нет от наказаний. И школы от них отказались. Ну а кого-то, напротив, такое обращение ломает. Убивает индивидуальность в человеке. Тоже ведь хорошего ни фига. А? Что думаешь? – допитое пиво давало о себе знать, хотелось дискутировать.

– Я не желаю углубляться в теоретические рассуждения, – заявила Элла, тоже прикончив свою бутылку. – А предлагаю провести эксперимент. Мы спускаемся в укромный закуток, я стегаю тебя веточкой десять раз, и если ты выдержишь все десять, не просишь раньше срока о пощаде, я покупаю нам добавочное пиво. Два пива. По бутылке каждой. А если сломаешься, сдашься – что ж, тогда пиво с тебя.

– Отлично, я согласна! – воодушевилась Алла. Выпитое настроило на авантюрный лад. Обе устремились в расположенный посреди крыши люк. Лестница вела в детсадовское помещение; садик не работал, здание предназначалось под снос; спальня, столовая и игровая зона изобиловали

разноцветным хламом. Мешались под ногами целлюлозные пупсы с оторванными головами и конечностями; пестрела шелуха лопнувших воздушных шариков; ветер, свистевший сквозь разбитое стекло, трепал пиратский вымпел. Там и сям виднелись кубики с буквами и цифрами по граням; Алла, машинально побегав по ним глазами, легко прочитала свое имя. Впрочем, помимо двух «Л» и двух «А» ей попались также «Щ» и «Ъ». Алла вышла наружу, оставив Аллу ждать внутри развороченной детской. Вернулась спустя минуту с тоненьким побегом. Из раскрывшихся весенних почек на сорванной веточке всюю выглядывали клейкие листики; Алла помахала ею в воздухе, пробуя на гибкость.

– Пошли поглубже, чтобы с улицы не спалили, – поманила Алла и повела Аллу во что-то вроде кладовки; громоздились пластиковые ведра, валялась веничная труха. – Это место нам подойдет, – решила Алла. В углу стояла парта типа

школьной, с поднимающимся верхом. Алла со скрежетом выволокла парту на середину, смахнула со столешницы пыль рукавом свитера, попросила Аллу взяться руками за противоположный край парты. Примерилась прутиком. Поинтересовалась у Аллы – молча, вопросительным хмыканьем, позволит ли та себя частично обнажить; получив в ответ кивок, спустила ей до колен слою одежды, задрала на спину футболку и балахон.

– Ну что, десять раз! – объявила.

Алла почти не вскрикивала, только шумно вдыхала и выдыхала, иногда быстро перебирала ногами после особенно болезненных стежков. Алла считала про себя удары. Алла издала долгий стон облегчения, когда выдержала все положенные десять.

– Уф, ну, с меня пиво, – с облегчением выдохнула и Алла.

Алла поднялась, оделась, но с места не тронулась.

– Ну, пошли на свежий воз-

дух, – Элла отбросила свое орудие подальше в угол. Молча вышли.

– Что? Что скажешь? – Элла, чувствуя некоторую неловкость, пыталась разговорить примолкнувшую Аллу.

– Постой. Не так быстро.

Давай постоим, – попросила Алла.

Глубоко вздохнула несколько раз подряд.

– Ты вообще как? Все окей? – насторожилась Элла.

– Да. Окей. Только это я проиграла наш спор, а не ты. Пиво с меня. Я принесу. Жди на крыше.

– Почему с тебя? Ты же все выдержала. И молодцом!

– Нет. Ты была права. Выдержала меня из иллюзии, из наивной самоуверенности.

Да, я стерпела твои десять. А если бы было пятнадцать? А если двадцать? Выдержала бы? Совершенно в этом не уверена. Это что-то сильнее меня. Сильнее человека. Не стоило мне обольщаться. Поэтому я проиграла наш спор. Мне и угощать.

– Ладно уж, пусть будет боевая ничья! Ты меня угощаешь, а я тебя, – Элла

улыбнулась, протянула Алле ладонь для рукопожатия, и они пошли в сторону супермаркета.

Обстановка в столице, конечно, отличалась. В гуще автомобилей чуть ли не по разделительной линии магистрали гнал на хорошей скорости моторный велосипедист; правил одной рукой, в другой держал самокрутку, подносил то и дело дымящуюся ко рту. Мимо здания Центральной автостанции проковылял похожий на наркомана немолодой не то панк, не то байкер в футболке с надписью по-английски: «Только через мой труп». Алле понадобилось в туалет, и он послушно возник – «службы», или «услуги», в буквальном переводе с местного на русский. Она начала спуск по ступенькам под землю, но на полпути замерла – на площадке между пролетами распласталось тело пожилой женщины, а девушка, посторонняя прохожая, быстро искала что-то у себя в мобильнике.

– Может, вызовем «Ско-

рую»? – предложила Алла. Лежавшая энергично воспротивилась, Алла замерла в ожидании неизвестно чего. Мимо сновали, протискивались люди. Количество стремящихся на подмогу постепенно росло; здоровый мужик попытался, подхватив лежавшую под мышки, поставить ее на ноги; та застонала, выругалась, легла обратно. Наверное, у нее что-то болело. Вокруг собралась небольшая толпа, люди наперебой давали советы, что-то предлагали, набирали номера мобильных. Алла почувствовала себя лишней, спустилась под землю к кабинкам.

Когда мыла руки, подняла глаза на себя в зеркале; слева оказалась мусульманка в платке с выглядывавшими из-под платка проводками наушников; справа прихорашивалась молоденькая темнокожая. Алла увидела в зеркале разом всех троих и ощутила, что почти не ассоциирует себя с отражением бледнолицей русоволосой женщины по центру; с тем же успехом Алла могла бы

вообразить себя и этой арабкой, и этой темнокожей, чему препятствовало лишь сопоставление себя в центре – с отражением в центре, лишь крохотное интеллектуальное усилие... И одежда на Алле – куртка, свитерок, воротник рубашки из-под свитера – все это было как бы не принадлежавшим лично ей, а просто, что ли, потому что так положено. Чем-то вроде маскировки.

Вот у Эллы не так, подумала Алла, поднимаясь из-под земли на воздух. Женщина теперь уже не лежала, но сидела, постанывая; рядом был кто-то из ее родственников, и выходило, что Алле теперь уже было ни к чему беспокоиться, только и оставалось, что позабыть эту женщину, выдворить за пределы внимания. Она мысленно сконцентрировалась на Элле, к которой, собственно, и приехала в столицу в гости.

Элла, теперь ее звали Эфрат – многие, переехав, брали себе новые имена – работала с реактивами в химлаборатории; за ее работой можно было наблюдать прямо с

улицы через большую стеклянную стену. Алла не отказала себе этом в удовольствии, постояла, понаблюдала. Эфрат, стоя к Алле спиной у раковины, мыла колбу, потом она закрутила кран, поставила колбу на столик. Сунула руку в широкий карман белого халата, вынула телефон.

– Да тут я, тут уже, слежу из-за угла, – улыбнулась Алла, отвечая на звонок.

Эфрат обернулась, улыбнулась ответно, сложила пальцы вверх щепоткой, что означало просьбу подождать. Алла кивнула, не прекращая улыбаться; при виде Эфрат ей всегда почему-то хотелось улыбаться. А если они виделись после долгого перерыва в полгода или год, Алла запросто могла начать беспричинно смеяться, просто от переполнявшей ее энергии, от радости встречи. Эфрат переехала на несколько лет раньше Аллы; теперь, когда их друг от друга отделяли всего сорок минут междугородней езды, они стали видаться регулярно, около раза в месяц.

Из белого Эфрат переделалась в черное: в джинсовую куртку и джинсовую юбку. Вышла наружу. Они обнялись.

– Где мы? – спросила Алла спустя минут десять ходьбы.

– Кажется, никогда тут не бывала.

– Это Даунтаун. И мы тут были с тобой. На концерт ходили полгода назад. Мой дом отсюда в двух шагах, вон там.

– Концерт помню, а дорогу не помню. Я хорошо запоминаю, когда одна. Когда с кем-нибудь иду, не концентрируюсь на обстановке. А на диалоге, на собеседнике.

«А уж когда я с тобой, Эфрат, – продолжила про себя Алла свою мысль. – Так вообще кругом ничего не вижу. Проваливаюсь в тебя, Эфрат, тону в тебе».

– У меня в городе тоже есть Даунтаун, – сказала Алла. – Тоже кафе, магазины, ночные клубы. Потише, конечно, чем здесь.

Дома Эфрат предложила Алле нарезанный авокадо и консервированные артишоки. Несмотря на то что Эфрат жила на последнем,

пятом этаже старого дома (подниматься надо было пешком по винтовой лестнице, с беленых стен отставала штукатурка, а кое-где лестничные пролеты украшала эмалевая роспись – фазаны, цапли, зеленые заросли) – несмотря на высокий этаж, звуки с улицы переполняли дом Эфрат, Алла уже привыкла к этому мареву звуков, мешанине из автогудков, мелодий из кафе, разноязыких реплик. Алле это почти не мешало, а Эфрат подавно. Эфрат налила себе полстакана martini, предложила и Алле.

– Спасибо, – отказалась было Алла. – Не хочу перед сессией. Чтобы не приглушать ощущений. С другой стороны, хочется быть с тобой на одной волне. Давай, что ли, самую малость.

Эфрат кивнула, поставила перед Аллой ее martini, добавила к авокадо и артишокам блюдо оливок. Алла выпила, взяла себе оливку.

– А куда можно положить косточку? – спросила.

– Это хороший вопрос, – Эфрат оглядела стол. – Ща,

– вернулась с тарелкой для косточек. – Ну, за тебя, – Эфрат стукнулась доньшком стакана о стенку стоявшего на столе стакана Аллы. Выпитое сделало четче разноголосицу звуков. Алла прикрыла веки, погрузилась в звуки.

– Работаешь? – спросила Эфрат.

– Ага, – Алла открыла глаза. – Устроилась на завод в упаковочный цех. Две смены по двенадцать часов. Питание, подвозка. Помещение отдельное, чистое. Никакого рабочего гвалта. Сидим коробки делаем. Что хорошо, одни девчонки. Не лезет ни одна собака.

– Понимаю, – кивнула Эфрат. – Из лабы как выйду на перекур, обязательно кто-нибудь прикопается. Лет эдак под семьдесят. А как ты ешь? Как спишь?

– Обедаю в столовой на работе. Есть веганское меню. Дома, вечером... Да вот как у тебя сейчас. Помидор себе могу порезать. Авокадо.

– А сон? Лучше, чем было?

– Ну, так. Бывает, сплю, бывает, нет. Кошмары часто. Вот

пару дней назад – хоть убей, не помню, что приснилось – люди, коридоры. Проснулась в два вся в липком ужасе.

– Бедненькая ты, – Эфрат запалила самокрутку в деревянном мундштуке, затаилась, повернулась к открытому окну, чтобы выпустить дым, – У меня примерно то же самое. Слоняюсь среди ночи из угла в угол. Что, так и не заснула?

– Удалось под утро ненадолго. Помастурбировала и отключилась.

– Ого. Тебе так можно разве? Вроде договаривались. Сама просила запретить, страдает, мол, менталочка. И без толку. Накидываем ударов?

– Ну экстренный был случай! Я от ужаса не знала куда деваться! Ужас-то со мной остался, хоть и проснулась. Слиняла в фантазии. И помогло.

– Ну раз помогло... Че за фантазии-то хоть?

– Можно еще мартини, – Эфрат кивнула и разлила мартини по стаканам, они с Аллой чокнулись, выпили.

– Очень живая вышла картина, как будто я и не сама

придумала все это, а мне показали, ну как во сне. Не обижайся только, там про тебя. Даже неловко рассказывать. В общем, мы были в таком здоровом ангаре – я, ты и Жанна, московская моя «верхняя», помнишь, рассказывала. Жанна тащится от российской армии, воинских причиндалов, такого всего. Плюс тут эти девахи с автоматами в каждом автобусе – в общем, что-то у меня такое про войну сложилось, этаким пазл, мы были все втроем в военной форме, Жанна была моей начальницей, типа старшей по званию, а ты только-только заступила на ее место. И ты должна была сменить Жанну, выполнять те же обязанности по присмотру за мной, отдаче приказов и все такое. Жанна показывала тебе, как надо правильно меня наказывать, проводила практический семинар. Я лежу привязанная, вы нависаете, Жанна сечет, сопровождая это дело устным комментарием, чем и куда следует попадать, с какой силой, с каким углом замаха, где больно, где тер-

пимо, где невыносимо больно и так далее. Ты слушаешь внимательно, киваешь. Жанна передает тебе девайс, или у тебя есть свой, не помню, ты прилежно копируешь действия Жанны, вы неторопливо обмениваетесь уточняющими репликами, оставляя без внимания мои адовы вопли...

– Нда, – откликнулась Эфрат.

– А чего ты, собственно, в армию не пошла, как переехала? Могла бы ведь по документам. Тебе полезно было бы. Дисциплина, вся фигня. Как ты любишь.

– Да как-то, знаешь, в стороне я от этих дел, – чуть смутилась Алла.

– Здесь тебе не как у нас, – усмехнулась Эфрат. – Кто не с нами – враг! Тут нельзя быть в стороне. Шучу. Я сама в стороне. Так. Что ты мне там вчера кинула в мессенджер? – Эфрат нахмурилась, взяла со стола телефон, понажимала в разные места. – Вот она, наша с тобой переписка. «Завтра, если можно, посильнее». Чего так? Воодушевилась армейской темой? Не, окей, посильнее так

посильнее.

– Может, и не надо посильнее, – пробормотала Алла, чувствуя, как пересыхает горло и становится трудно дышать.

Эфрат повернула к Алле светящийся экранчик, Алла прочла собственное вчерашнее сообщение. «Завтра, если можно, посильнее».

– Ладно, как знаешь, – усмехнулась Эфрат, – можем вообще отменить, я усталая и вялая, просто положим пообнимаемся.

«Завтра, – усмехнулась Алла про себя. – Вечно это завтра. Завтра все время хочется посильнее. Или – вчера! Вчера типа было то, что надо. Или даже недостаточно сильно, можно было и еще посильнее. А если сегодня, а уж если прямо сейчас... Так, надо срочно брать себя в руки...»

– Нет, я хочу, – упрямо возразила она. – Просто хочу сначала выяснить одну вещь. Знаешь, почему я попросила посильнее? Есть нижняя граница боли, но есть и верхняя. То есть, я имею в виду... У тебя тоже ведь есть некий предел. Предел боли, которую ты готова мне

причинить. Мне хочется его почувствовать. Познать.

– Это для меня как-то слишком заморочено, – улыбнулась Эфрат одними глазами.

– Тебе-то как лучше? Ты обо мне не думай. Отпусти ты хоть со мной свой долбаный контроль. Посильнее скажешь, будет посильнее. Смотри сама!

Алла вдруг почувствовала себя неготовой к экзамену школьницей или актрисой, забывшей в разгар спектакля весь текст. Эфрат встала из-за стола, опустилась перед Аллой на корточки, забрала ее ладони в свои, заглянула в глаза.

– Мне страшно, – вымолвила, наконец, Алла, ища, куда бы отвести взгляд. – Все рушится, осыпается карточным домиком, – Алла уткнулась глазами в черную футболку Эфрат, где была изображена голова козла по центру пен-такля в окружности и было написано что-то по-гречески. – Хочется прозреть. Увидеть все в реальном свете, и чтобы он уже не гас. Остаться в истине навеки.

– Я понимаю, – кивнула Эфрат, продолжая смотреть в

лицо Аллы, хоть та и спрятала глаза, – Но ты нужна мне. Живой и в твердой памяти.

– Я бы стерла всю свою память, забыла бы, кто я есть. Память... Нелепые горести, смехотворные неурядицы. Знаешь, мечтаю о чем? –

Алла подняла глаза на Эфрат.

– Чтобы никто не мог сбить меня с толку. Огонь внутри, и чтобы ни одна сволочь не могла задуть. Только пальцы бы пообжигали. Понимаешь? Не зависеть от обстоятельств. Не вовлекаться.

– Ну это шиза, как по мне,

– спокойно сказала Эфрат, вставая и подходя к столу за табаком. – Смеешься?

Как это не зависеть от обстоятельств? – скрутила самокрутку, вставила в мундштук, подожгла, вставая к окну. – Тебе скрутить?

– Пока не надо, спасибо. Почему шиза? Духовная сила.

Ты не веришь? – Эфрат в ответ лишь качнула головой, выпуская дым в окно.

– С какой стати ты про это заговорила? – спросила

Эфрат, вернувшись за стол. –

О духовной силе? Ударилась в религию? Что-то новенькое.

– Я нет. Мне слабо. А они молятся, и нам хорошо от этого, нас согревает их огонь,
– Алла кивнула в сторону окна, откуда урывками долетали звуки дискотеки.

– Кто, датишные? Я тебя умоляю. У тебя романтизация. А ты попробуй углубись. Тексты почитай. Знаешь, чего у них каждый мужик по утрам произносит? «Благодарю тебя, боже, за то, что я не женщина». Трэшачок, не? И втемяшивают ни в чем не повинным деткам с малолетства свою пургу. Не, окей, я не против. Тебе-то зачем?

– Кто мы друг другу, Эфрат? Зачем нам эта боль?

– Сама меня просишь.

– Да, но в действительности-то выбора нет у меня.

– Ну да, такая уж твоя судьба. Страдать периодически от моих рук. Но выбор есть. Можешь ведь и не со мной. Качни приложуху, кинь объяву. Стройными рядами явятся по твою душеньку.

– По мою задницу, – Алла улыбнулась.

Эфрат прошла вглубь комнаты, сняла с крючка вешалки стек и рассекла им воздух.

Спустя краткий промежуток времени Алла лежала голой в маленькой спальне Эфрат, внутренне похолодев и тайком поглядывая на нависшую Эфрат; та стояла в расслабленной позе, опираясь спиной на стену, одна ее нога была согнута в колене и тоже упиралась в стену. Фигуру по диагонали перечеркивала линия занесенного над Аллой стека; линия пришла в движение; Алла вскрикнула, подобралась. Серия из нескольких последующих ударов, впрочем, лишила Аллу остатков самообладания; внутренне паникуя, она приложила максимум усилий, чтобы остаться в лежащей позе; пальцы сжались в кулаки, Алла заскулила. «Ты просила посильнее» – раздался голос. «Да! Да!» – сдавленно вскричала Алла и шумно выдохнула на следующий удар, но распределить дыхание не удавалось, удары сыпались сплошной серией, не давая толком ни выдохнуть, ни вдохнуть; в финале серии Алла расхооталась. Снова посыпались удары; Эфрат не ограничи-

валась традиционной зоной воздействия; кончик стека приземлялся то между лопаток, то жалил бедро, всякий раз обманывая ожидания и застывая врасплох. Алла, стоявшая сплошным стоном, глуша его в подушку, ухитрялась тем не менее еще и поглядывать на Эфрат, так и оставшуюся в своей расслабленной позе. Облокотившись о стенку, она даже и не замахивалась-то как следует, стегая вползамаха, будто происходившее не стоило ей никаких особенных усилий. В полумраке спальни Алла заглянула в лицо Эфрат. Глаза ее смотрели серьезно, сосредоточенно.

– Ну чего, может, хватит на сегодня? – спросила Эфрат, поймав на себе взгляд Аллы. Та отвернула лицо.

– Хватит или нет? – переспросила Эфрат. Алла не ответила, и снова удар за ударом.

– Хватит, хватит! – взмолилась Алла.

– Эх, а я только разошлась, – Эфрат отложила стек. – Ну, хватит так хватит. Ого, ну и следочки. Лежи, я лед принесу. Алла все никак не могла

прийти в себя, не могла унять дрожь и даже в первую секунду не ощутила холода льда у себя на теле.

– Ты просила посильнее!

– будто себе в оправдание напомнила Эфрат.

– Да, да. Просила, – голос Аллы вздрагивал, как и тело.

– Спасибо тебе.

– Всегда пожалуйста. Хочешь в душ? Накрыть одеялом?

Мартини? Скрутить сигарету?

Алла выбрала мартини и сигарету. Закурила, как была, голышом, высунув голову в окно спальни. Снова зазвучал Даунтаун, заиграли мелодии, на фоне утасаживающей боли проступили голоса, сигналы авто, шум ветра в деревьях.

Эфрат села рядышком на кровать, принесла и себе самокрутку с мартини. Вставила самокрутку в мундштук, запалила, затянулась. Выпустила дым, нечаянно толкнувшись щекой в щеку курившей Аллы. Обняла ее за плечи свободной рукой, Алла погладила пристроившуюся у нее на плече ладонь Эфрат. Вывернулась из объятия, легла в глубине кровати.

– Накрыть тебя? – спросила

Эфрат; Алла помотала головой. – Полежи-полежи. Во сколько твой автобус? Ты, как обычно, поедешь на последнем? Провожу, если ты не против. Дойдем минут за пятнадцать. Так что у нас еще сорок минут в запасе. Ты знаешь... Я вижу все твои метания. Со стороны их сложно не заметить. Суетишься, ерзаешь, прячешь глаза. Порка попускает, но ненадолго. Мечешься по замкнутому кругу, то на себя бесишься, то на окружающих, даже на меня, я-то знаю. В Каббале есть понятие «цимцум», оно непереводаимо, но если попытаться передать смысл, оно обозначает сокращение света. Добровольное самосокращение. Точнее, в предшествовавшем мире оно было добровольным, а теперь уже нет. Заморочено, не буду объяснять. Короче. Если Бог создал мир и людей, Бог любящий и всеблагий, отчего все вокруг так по-уродски, так по-тупому? Ты никогда про это не думала?

- Я всю жизнь об этом думаю,
- ответила Алла с кровати.
- Бог даровал человеку

жизнь, но что подарит человек? Человек, созданный по его подобию? Кому он и что подарит? Нет света без его отсутствия, нет совершенства без несовершенства. И вот, самосохранения ради, чтоб не потонуть в своем избытке, свет стал иссякать. Сейчас в нас света меньше чем наполовину. Ты никогда не замечала, что как только ухудшается твоя житейская ситуация, тебе парадоксально становится легче, будто ослабевает какой-то гнет. Этот гнет – «хлеб стыда», есть такое понятие. Стыда за наше существование. А стоит, скажем, заболеть... Или заняться тяжелой работой – не от хорошей жизни, не из прихоти, а по необходимости – как попускает. Парадоксально попускает. И эта твоя жажда... – Угу, не продолжай. Я поняла. Хлеб стыда. Ай да Эфрат! – воскликнула Алла с довольным видом. – Подумать только! «Датишные»... – Алла передразнила недавнюю интонацию Эфрат. – А туда же, поди ж ты. – Я не туда же, я сама по себе. – Эфрат убрала свой

мундштук и тоже легла на кровать, но сохраняя дистанцию. Повернулась набок к Алле лицом, приподнялась на локте, положила щеку себе на ладонь. – В общем, кончай ты свои игры, оставляй полумеры, бросай на хрен свой упаковочный цех и перебирайся ко мне сюда. Осуществлю все мечты, да так, что мало не покажется. Все у нас взаправду будет, а не как сейчас, «сегодня хочу послабее, завтра посильнее». У нас в лабе как раз нужна ассистентка. Будешь под моим руководством и дома, и на работе. Косяк на работе – дома порка. Времени не оставляю тебе личного. Книжки будешь читать только какие скажу. Уборка, готовка. Да наверное, я не возьму тебя в лабу, лучше повешу на тебя домашнее хозяйство. Уборка, готовка, стирка. А? Как тебе перспектива? Буду приходить с работы злая, уставшая. Буду придирааться. А ты и слова поперек сказать не посмеешь, от малейшего перепада моей интонации дрожать будешь крупной дрожью. Буду вести себя с тобой как последняя

сука. Явлю истинный лик! Хочешь же, чтобы по-настоящему, а?

– Полный цимцум, – улыбнулась Алла в полумраке.

– Сколько, интересно, выдержишься. Дней десять максимум по моему прогнозу. Повыдуло бы весь BDSM из твоей многострадальной башки. Ну? Как тебе мой план? Согласна?

– Спасибо, я подумаю, – Алла так и продолжала улыбаться.

...На последний автобус еле успели, пришлось бежать. Эфрат проводила Аллу до автобусной двери, крепко обняла на прощание, попросила дать знать, когда та доберется. Автобус тронулся; Алла прикрыла глаза. Спустя неопределенное время зазвонил телефон, то была Эфрат.

– Прикинь, еле выбралась с вокзала. Дверь-то захлопнулась, когда тебя вышла провожать наружу на перрон. Мечусь от перрона к перрону, везде закрыто. Повезло – из-за стекла увидал чувак-марокканец, дверь открыл, выпустил. Стал расспрашивать. Кто, мол, эта девушка, которую ты провожала, есть

ли муж. Я вижу, что ты несчастная, говорит. Оттого что Бога не знаешь. Бродячий проповедник. Мне, блин, про Господа затеял впаривать.

– Ты из дома звонишь? По дороге не приставал никто, кроме проповедника?

– Не. Да, я дома, все окей. Алла кивнула, улыбнулась в трубку на прощание, спрятала мобильный. И подумала, что попадись ей такой проповедник где-нибудь ночью на автостанции, наверняка бы поверила ему, что несчастна – вряд ли приняла бы на веру всю его

проповедь, очень вряд ли, но хоть на секундочку бы поверила, что несчастна, и что не знает Бога, оттого и несчастна. Она даже успела немного пожалеть Эфрат, подумала сначала с ее слов, что какой-то особенно выдающийся проповедник попался, саму Эфрат заставивший на мгновение засомневаться, пошатнувший почву у нее под ногами. Но этого даже близко не произошло, поняла Алла. И перестала жалеть Эфрат, а заодно себя, и кого бы то ни было.

Ибупрофен

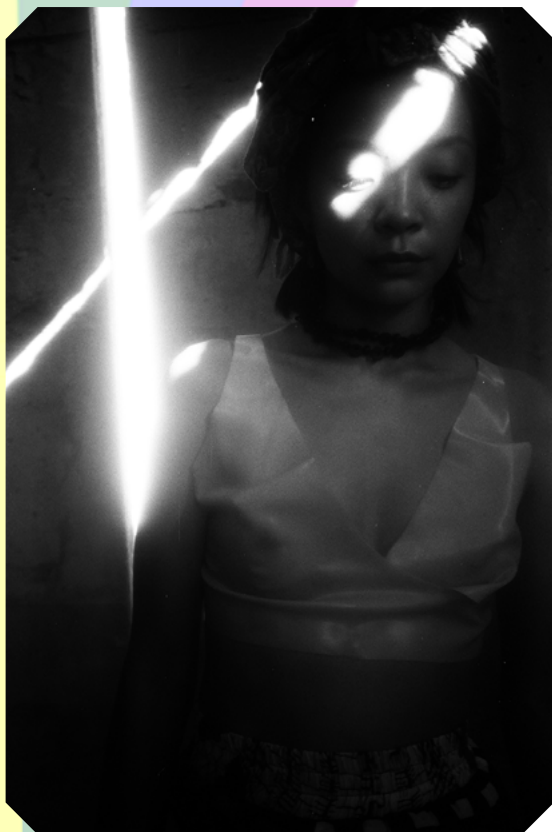
Х О Р О Ш И Е Д Е В О Ч К И ТАК НЕ ДЕЛАЮТ

АННА ТОЛКАЧЕВА

Я не трогала себя до
девятнадцати,
Потому что «нормальные
девочки
Так не делают».
И не трогала, когда была в душе,
Хотя очень хотелось.
И я до сих пор не знаю,
Как вы делаете это с душем.
И не трогала, когда лежала с
катетером
С болью в промежности,
С раной заштопанной.
Чувствуя, как оно быть
При родах порванной,
Но родив только опухоль.
И не трогала после поездки с
мигалками,
Когда проснулась в крови,
Хотя заснула с
«аппендицитом»,
А потом шла по коридору
С простыней между ног,
Украшая алой росписью пол
Под любопытными
взглядами

Прямиком на то самое
кресло,
На эшафот моей гордости,
На стирание личного.
И когда врач была там уже
пятерней
И сказала, у тебя там
салфетка застряла,
И когда она выдала:
Нет, презерватив там
остался,
И когда я ощутила себя
вазой для мусора,
Я обещала себе
Никогда не делать абортов.
А потом туда заглянула пара
десятков глаз,
И столько же пальцев,
затянутых в латекс
Искало там чудо. Мне
досталось
Четыре шрама на коже.
И выписка, мол, у меня все
нормально.
И когда каждый раз врач с
надеждой:

«Ну что, уже завелся там
кто-нибудь?»
И когда однокурсница с
выводком
У кассы сказала: «Ничего,
после сорока перестанут
спрашивать»,
Отчего-то я снова была
виноватая.
Как тогда, когда мама меня
укоряла:
«Ты чего как пацанка? Что
юбку не носишь?»
Я не жалую платья. Не хочу,
Чтобы на мои ноги
пялились.
Мне некомфортно.
И не крашусь, я чувствую
себя
В этом шлюхой.
И я чувствую себя
выкидышем
На обочине жизни,
Той салфеткой
Или конченным
презервативом.
И я не знаю, как вы это
делаете?
Как вы себя ощущаете
женщиной?

ГАДИНА

Гадина сожгла семейный дом. На пепелище пахло бензином и горелой пластмассой. Вонь стояла настолько невыносимая, что Саша надел сразу три медицинские маски и поплотнее прижал зажимы к носу.

Саша любил этот деревенский дом. Любил высокие потолки и деревянные стены. Любил просторный двор и загородную тишину. Любил отсутствие бытовой техники, которая разрушила бы волшебную атмосферу. И даже ворчание матери, что ей никто не помогает с готовкой и стиркой, не портило детские воспоминания. Он обошел фундамент и подивился, какой же маленькой казалась изба. Вот тут была большая комната. Напротив телевизора стоял диван, и семья собиралась за

просмотром дешевых сериалов. А вот здесь была кухня, где бабушка пекла пироги. Пожар пережила только печка. Некогда белая, она почернела, словно оплакивая погибший дом.

– Убью, дуру, – Саша сжал кулаки. – Голову оторву Гадине! Бабушка умерла три года назад. Она здесь жила постоянно, без газа и водопровода, и никак не желала перебираться к сыну и невестке. Мама же скончалась год назад. Она долгое время скрывала, что больна, а когда диагноз вскрылся, уже было поздно. Врачи сказали, что женщина загнала себя в могилу переработкой, недостатком сна и плохим питанием.

Сашка оплакивал мать, забыв все старые обиды. Вот зачем, например, она развелась с отцом? Он же потом

из-за нее пить еще сильнее начал. А так бы потерпела, и была бы у них полноценная семья. Как на картинке. Гадина тогда прошипела, что это Сашина вина. Ведь он мог продать участок. И мама бы расплатилась с долгами и даже уволилась со второй работы. Но как же можно продать родину? Этому дому не одно десятилетие. Ну и пусть он обветшал. Пусть в нем почти невозможно жить. Когда-нибудь у Саши бы дошли руки до ремонта. Через пару лет так точно.

А Гадина взяла и сожгла избу.

– Отойди оттуда!

Саша вздрогнул. У того, что раньше было входом во двор, стояла Гадина.

– Как ты могла?! – накинулся Саша на сестру. – Это же наш дом! Представляешь, сколько сил и средств в него вложили?! Это же единственная память о маме, о бабушке! Зачем ты это сделала?!

Сестра. Нет, это не его сестра. Это Гадина. Его сестра была милой девочкой. Немного капризной, как все девчонки, немножко дерганой. Играла

на пианино, училась на одних пятерки. Хныкала, когда Саша обижал ее грубым словом. Жаловалась матери, если он курил или выпивал с друзьями. Плакала, когда брата забирали в армию. Готовила, убирала. Вставала раньше всех, чтобы погладить одежду и навести «марафет».

Но потом, год назад, сразу после смерти матери сестра исчезла. Физически. Просто не вернулась ночевать. Саша пару раз ей дежурно звонил, спрашивая, когда она вернется и поможет разгрести проблемы с наследством и убраться в запущенной квартире. А когда и в третий раз не получил внятного ответа, забил. В конце концов, что ему за ней следить. И Саша погрузился в развеселую жизнь одиночки, обладателя собственной квартиры. А потом появилась Юля. Юлька крепкой женской рукой навела в хате порядок. Разогнала пьяных друзей, все перемыла, перестирала. Вновь запахло супами и пирогами. Саша и сам не заметил, как девушка обосновалась в доме.

– Погоди, а что сестра? Разве она тебе не помогает? – удивилась она, узнав о еще одной жительнице квартиры.

– Да сбежала она, – пожал плечами Саша. – Как мать схоронили, тут же ноги сделала, только ее и видели.

– Вот змеюка подколодная, – искренне возмутилась Юлька и тут же вернулась к домашней работе.

Свадьбу играли в кредит.

Иначе как было арендовать самый шикарный ресторан и позвать столько гостей?

Сестру он не пригласил.

Злился за грубые слова и за внезапное исчезновение. Да и на связь она не выходила, словно сгинула.

Но Гадина сама явилась на торжество. Прямо посередине застолья.

Она была одета в камуфляжные штаны и короткую майку. Ее голова была обрита, а руки и шею покрывали татуировки. Губы она накрасила черным цветом, а в правой ноздре сияло маленькое кольцо. Во всем ее облике было что-то неуловимо змеиное.

– Что не позвал-то, братец? Я

бы скинулась. А то ты разведешься быстрее, чем кредит выплатишь.

Сашу больше волновало, что же подумает Юлькина семья. Те были до фанатизма религиозными и консервативными, что называется, старая закалка пополам с православием. А Гадина отодвинула предложенную рюмку водки и улыбнулась своей новой змеиной улыбкой.

– Я не пью. Вообще. И тебе не советую, – она грозно посмотрела на брата, и он съёжился от хищного взгляда. Взгляд Саши был прикован к браслету сестры на левой руке. Он казался смутно знакомым, будто незримо присутствовал в его жизни уже много лет.

Тонкая змейка с зелеными глазами опутывала запястье как живая, а из заостренных клыков выглядывал тонкий раздвоенный язычок.

Сашке вдруг захотелось сорвать мерзкую побрякушку с сестриной руки и выкинуть куда подальше. Но даже издаля было видно, что браслет почти врезается в кожу.

– Она что, сидела? – нагнулась к Саше свекровь. – Что

ты от нас скрываешь?

– Да нет... – он не знал, куда деть глаза.

А празднество только набирало обороты. Кто-то из Сашиных друзей включил кавказскую музыку, и мужчины неумело за-
плясали лезгинку.

Гадина же танцевала так бесстыдно и так развязно, что вскоре все смотрели только на нее. С восхищением и осуждением. А она, словно сторонясь парней, вытягивала к себе девушек и женщин, и те, раззадоренные музыкой и пьянкой, присоединялись к ней в безумной языческой пляске.

Сашка встал из-за стола и хотел было позвать Юльку, но той нигде не было. Не видел он ее и среди танцующих гостей. Он шел через зал, расталкивая пьяных незнакомцев, выискивая глазами белое платье.

– Так она со змеюкой ушла куда-то, – пожал плечами друг жениха. – Вон туда.

Сашка в ярости вышел из банкетного зала, вышел в фойе и увидел Гадину. Та сидела на диване совершенно трезвая, а сбоку к ней прижималась Юлька и пьяно

жаловалась на жизнь. Мол, какой он, Саша, раздолбай, лентяй и бытовой инвалид. Гадина гладила девушку по растрепанным волосам. Юльку он, конечно, отругал и на плече унес в гостиничный номер. А Гадина зашипела. – Будешь бабу обижать, самого покусая!

И была в этих словах такая

угроза, что Сашка чуть сознание не потерял.

Началась семейная жизнь.

Гадина не вернулась в квартиру – забрала некоторые вещи, да и была такова. Но Юлька о золовке не забывала. Однажды Саша даже ударил жену, увидев переписку в ВК. Потом, конечно, извинялся, цветы подарил, но с тех пор настоял на совместном аккаунте в социальных сетях.

А Гадина, кажется, и вовсе исчезла. Перестала появляться онлайн, не звонила. Сашка вздохнул спокойно. Ближе к октябрю он завел разговор о семейном доме. Как было бы здорово, сказал он Юле, перебраться туда и детишек нарожать! А квартиру сдадим. Да, там пока без удобств, ну ничего, раньше вообще в поле рожали. Через неделю Юлька собралась к семье в соседнюю деревню. А на следующий день Саше позвонили из МВД и сообщили, что дом сгорел.

– Тоже рада тебя видеть, братец, – Гадина провела рукой по его щеке. – Что приехал? – Я тебя убью, – Саша сжал кулаки.

– Это еще кто кого, – Гадина улыбнулась.

Глаза. Что-то не так было с глазами. Они были золотые, а зрачки сужены.

– Ты ненавидела этот дом! Поэтому и сожгла!

– Да. Мы его с мамой на пару ненавидели, – спокойно ответила Гадина. – И Юлька ненавидела уже заочно.

– Она-то тут причем?! – выкрикнул Саша и осекся. Юлька, пошатываясь словно пьяная, появилась во дворе. Слой сажки покрывал пальто. – Это я его сожгла, – прошептала она, глядя под ноги.

Сашка, не помня себя от ярости, замахнулся кулаком на жену. Она в ужасе скукожилась и прошептала:

– Не бей меня, пожалуйста! – Юлька заплакала.

Гадина схватила брата за грудки и ударила лбом о лоб с такой силой, что у Саши в глазах выстрелил праздничный салют. В ее глазах загорелось первозданное пламя, а ногти почернели и заострились, как у зверя.

У Саши голова пошла кругом. Младшая сестра приподняла его над землей, как

нашкодившего котенка.

– Этот дом – гнилое болото. Оно всех нас туда затягивало. Бабушку, маму, прабабок, теток. А до этого были и другие дома, и другие деревни. И везде одно и то же – непроглядная, мерзкая тряси́на, где ты лишь племенная кобыла. А твоей Юле хватило духа сжечь его. Я ей все показала, все рассказала. Конечно, хотела бы я невестку забрать с собой. Как забрали меня после смерти матери. Юлька всхлипнула.

– Знаешь, что мне мама завещала? За тобой ухаживать, будто ты инвалид какой! Что ты пропадешь без женской руки да трехразового обеда! А я ей пообещала, поклялась, что тебя, дурака, не брошу. А клятвы матерям на смертном одре не нарушают. И я приехала сюда на Рождество. Не на то, православное, на настоящее. В самую длинную и темную ночь в году. Зашла в дом и закричала: «Не буду! Не хочу! Твои удобства – не мои проблемы!» И тогда земля разверзлась, и оттуда вылезла тысяча змей. Тысяча земных гадин!

Она отпустила Сашу, и тот упал на промерзшую землю. Кожа Гадины отливала темно-зеленым цветом.

– Сестры-змеи в обиду друг дружку не дают, – продолжала она. – Спасают и от страшных клятв, и от мужей, и от бед. Вот и меня спасли. Я знаю, как ты меня зовешь. Гадина. А я и есть Гадина. Я змеей вползаю в дома и шепчу маленьким девочкам на ушки: «Не слушайся, не подстраивайся, не обслуживай!» Одни в подушку утыкаются, а другие слушают. И запоминают.

Морок прошел, и Саша вновь увидел свою сестру. Обритую налысо, с татуировками и сильными руками под кожаной курткой. Но глаза и кожа стали человеческими. Юлька перестала хныкать и помогла мужу встать. Она напуганно прижалась к нему, воротя нос от химозной вони.

Саша схватил Юлю за руку и потащил к машине.

– Юль, – окликнула Гадина. Девушка обернулась. Сестра протянула руку. – Я бы тебя насильно забрала, но против воли не могу. Пойдем со мной.

Юля покачала головой и, натянув поплотнее пропахший бензином капюшон, села в машину.

Все еще покачиваясь от ужаса, Саша завел двигатель. Стоило им отъехать, как он принялся орать на жену. Он проклинал ее всеми словами, а та тихо плакала, уткнувшись лбом в стекло.

– Ладно, прости меня, это я так. Гадину ненавижу, не тебя, – он похлопал жену по плечу, словно брошенные вскользь извинения могли сгладить агрессию и злость.

– Ты чего бы хотела? Может, заедем куда по пути?

– Я хочу, чтобы ты на работу устроился, – тихо сказала она. Саша опешил.

– Сама же знаешь, с работой тяжело.

– Тогда возьми уборку и готовку на себя. Мне повышение дают, не хочу дома работать.

– Да ты чего, разве я тебе не помогаю?

– Нет, – твердо сказала Юля.

– Ты только ругаешься.

И тут Саша взорвался. Разве он не ищет работу? Разве раз в месяц не водит ее в кафе?

И не он ли холодильник починил, когда Юлька его выкинуть хотела? Да ей ли ставить условия? Поджог семейного дома она до пенсии отрабатывать будет. И что за манера у баб пошла, условия мужчинам ставить? Сделай то, сделай се. Кто хозяин в доме? Он, Саша, хозяин дома. Совсем как раньше был отец, пока дура-мать не выгнала его за очередную пьянку. И слушаться Юлька будет потому, что он, Саша, в семье главный.

– Да, хорошо, прости меня, – прошептала Юля.

Саша гнал по шоссе, а жена сжимала в руках браслет в виде медной змейки. Гади-на подарила оберег, когда успокаивала девушку после пожара. Юлька тогда тряслась от холода и ужаса, а вдалеке выли сирены пожарных машин.

– Понадобится помощь,

– сказала Гади-на, снимая с себя оберег, – надень на левую руку. И тогда из земли выползут змеи и заберут

тебя в подземное царство.

– И я стану такой же, как ты?

– с ужасом и благоговением

прошептала Юлька.

– Станешь той, кем захочешь. И не будешь ни перед кем пресмыкаться да унижаться.

Юлька закрыла глаза. В голове звучал голос родителей. Почитай, уважай, будь покорной, доброй, услужливой. Уважай родителей, уважай мужа. Терпи. Ей хотелось заткнуть уши и закричать.

– Ты меня поняла, идиотка?!

– рывкнул Саша и ударил жену по щеке.

Юля сглотнула слезы и защелкнула браслет на запястье.

АЛЕНА КИРСАНОВА

NEURA

«Главное – предохраняйся!
– говорила мама, когда мне
было двенадцать. – Парням-то
ничего, а ты залетишь, и вся
жизнь насмарку!»

И вот мне двадцать два, и я
блюю водой и желчью. Похо-
же, траванулась чем-то. На-
деюсь. Проблема в том, что
противозачаточная таблетка
оказалась в унитазе раньше,
чем успела подействовать, и
принять новую не получится
– пойдет туда же. А секс был
часов тридцать назад, и гре-
банные сперматозоиды вну-
три меня живет всех живых,
я погуглила.

Я полощу рот, глотаю воды
из-под крана и едва сдер-
живаю очередной рвотный
позыв. Доползаю до кровати,
нахожу в тумбочке инструк-
цию. Форма выпуска, фар-
макологическое действие...
Вот: «Прием пропущенных

таблеток». «При пропуске в
период с 1-го по 7-й день...
следует учесть возможность
наступления беременности». Черт!
Пересчитываю пустые
ячейки в блистере: шесть.
Черт-черт-черт!

Я плачу, сжимаюсь в комок
и сама не замечаю, как выру-
баюсь.

Почти сутки я провалялась в
температурном бреде. При-
шла в себя в душной сумрач-
ной спальне, влажная просты-
ня воняла потом, а рядом с
кроватью стоял тазик. И когда
только успела принести?

В телефоне два неотвеченных
и три сообщения от Славы.
Рабочие письма, рассылки,
мама скинула какое-то видео
– ничего важного. Я лениво
листала ленту в инстаграме,
пока вдруг не наткнулась на
рекламный пост о правиль-

ном питании во время беременности. Вы издеваетесь?! Попробовала рассмеяться вслух, но горло издало только жутковатый хрип. Сразу пришла на ум байка о де-вушке, которой Гугл начал показывать рекламу детских товаров, когда она сама еще не знала, что беременна. Да ну, бред какой-то! Я нажала на многоточие: «Скрыть рекламу». Нет – «Пожаловаться на рекламу»! Ничего, скоро все выясню. Я спросила у Сири, через какое время можно сделать тест на беременность. Еще минимум неделя. Целых семь дней я буду беременной и небеременной одновременно. Черт!

Между тем рекламодатели взялись за меня всерьез. Советовали специальные колготки с поддержкой живота, крем против растяжек и подкаст про секс после рождения ребенка. А когда я попыталась заказать в Икее новое постельное белье, в корзину уже была добавлена детская кровать. Суки. Наконец в воскресенье вечером я сделала долгождан-

ный тест. И-и-и... Одна полоска! Одна! На всякий случай я окунула в баночку с мочой еще один тест, снова получила отрицательный результат и успокоилась.

Рекламу тоже немного попустило – в ленты начали возвращаться привычные объявления про шмотки, дешевые авиабилеты и курсы графического дизайна. Но все равно, нет-нет да и проскочит какая-нибудь карусель с платьями «для будущих мам».

Когда у воображаемой меня уже близились роды, я решила проконсультироваться с профессионалом.

– Маринка, вот ты как таргетолог можешь объяснить: какого хрена мне в последнее время показывают столько рекламы для беременных?

– спросила я, перемешивая трубочкой ярко-зеленый коктейль в запотевшем стакане.

Маринка пожала плечами.

– Наверное, гуглила что-то по теме. Или в чатике писала, или говорила рядом с телефоном.

– Да как бы нет... Думала разве что, – усмехнулась я, но Марина ответила серьезно:

– Ну вот. Думала, а потом делала в сети что-то такое, что обычно делают беременные или мамашки. Нейронки, которые вычисляют твои интересы, они ведь не мыслят по-человечески. Тупо нашли какую-то закономерность в данных – и вперед.

Легче не стало. Значит, веду себя как беременная мамашка?

– Нейронки – это же черный ящик, – добавила Марина, задумчиво глядя в окно. – Мы скармливаем им данные, получаем какие-то выводы, но что происходит внутри, никто не знает. Мы их никогда не поймем.

Она повернулась ко мне с широкой улыбкой и каким-то маньячным блеском в глазах:

– Правда же, здорово?

Я изо всех сил старалась отвлечься: заказала еще один коктейль, смеялась громче, чем надо, отчаянно флиртвала с барменом и в итоге заманила его к себе домой. Со Славкой мы расстались сразу после того дурацкого отравления. Я даже смотреть на него не могла – казалось, внутри все еще копошатся

миллионы сперматозоидов, пытаются закрепиться и подселить мне в живот огромного кровожадного паразита.

Но месяцы воздержания давали о себе знать. Мальчик-бармен уже натягивал презерватив, а я гладила его твердую безволосую грудь и чувствовала, как внутри меня зарождается волнующая голодная пустота. Он резко притянул меня к себе, поцеловал. Приятно. Жарко, влажно. Все в порядке, я нормальная! Но он целовал все настойчивее, шарился языком у меня во рту, и мне вдруг показалось, что его язык удлинняется, щупальцем проникает в глотку, хочет приклеиться и прорасти в моем теле.

Накатила тошнота. Ничего не объясняя, я бросилась в ванную и закрыла за собой дверь. Вот так, дыши! Медленно-медленно. Но как тут дышать: он трогал меня всю, был во мне – его пальцы, его язык... Я торопливо почистила зубы, залезла в душ, намылилась, смыла, потом еще раз. И еще.

Когда я вернулась в комнату, его уже не было.

Я давно проснулась, но вставать совсем не хотелось. Надо было что-то написать вчерашнему мальчику, извиниться. Не глядя, я приложила палец к телефону, разблокировала и услышала пронзительный младенческий крик. Вашу мать! Телефон я уронила, и теперь ребенок продолжал плакать откуда-то снизу. Пришлось шариться под кроватью и срочно убирать звук.

Вопли прекратились, но на заблокированном экране все еще проигрывался аудиофайл – без превью, без имени исполнителя, только случайный набор символов вместо названия. Нажав на паузу, я проверила все приложения, но так и не нашла источник, а когда вернулась на экран блокировки, он оказался пустым, только время и дата: 12 февраля – с отравления и пропущенной таблетки прошло ровно девять месяцев.

Услышав крик своего виртуального ребенка, я решила раз и навсегда разобраться с проклятой рекламой. Выяснила, как отключить персонализацию, и прошлась по всем соцсетям, Гуглу и Яндекс. Очистила куки, запретила приложениям отслеживать геолокацию, закрыла доступ к микрофону, камере и фотоальбому, даже вебку заклеила изолентой, как заправский параноик. Пользоваться интернет-магазинами и доставкой стало катастрофически неудобно,

зато сработало: теперь мне рекламировали в основном ставки на спорт.

Я успокоилась и начала понемногу приводить себя в порядок. Сменила стрижку, купила абонемент на фитнес и зарегистрировалась в Тиндере, указав, что интересуюсь только девушками. Вообще-то, я не была в этом уверена: секса с женщиной у меня никогда не было.

Зато в старшей школе я целовалась с лучшей подругой и была не против зайти дальше, но постеснялась ей намекнуть. А еще была Лиза и тот двусмысленный танец на корпоративе. Вряд ли она отнеслась к нему серьезно, но что-то между нами с тех пор изменилось.

В один из выходных я ради эксперимента включила лесбийское порно и вместо одной из девушек все время видела Лизу, ничего не могла с собой поделать. К счастью, на самом интересном месте меня прервал звонок в домофон.

– Доставка.

Я ничего не заказывала, но дверь все-таки открыла. Рас-

писалась в какой-то бумажке и получила небольшой сверток, завернутый в крафтовую бумагу. Под ней – крошечный розовый комбинезончик, шапочка и пинетки.

Реклама для мам понемногу возвращалась, игнорируя все настройки. И не только реклама: на работе я увидела фотографии своей виртуальной дочери.

Впервые они попались мне на глаза через год после ее «рождения». Я верстала буклеты, разрабатывала дизайн баннеров, и в каждый второй макет заказчики хотели засунуть счастливых стоковых людей. Обычно я подбирала фотки сама, но иногда их присылали клиенты, и если проект был хоть как-то связан с детьми, на них всегда была она – одна и та же девочка с родинкой на правой щеке. На улице и в студии, с игрушками, с кошкой, с актерами-родителями или совсем одна. Поначалу это казалось совпадением, но прошел год, два, а ее фотографии все еще приходили мне от самых разных клиентов.

Однажды я не выдержала и спросила у менеджера:

– Дим, скажи честно, вы надо мной прикалываетесь?

Дима пробурчал, не отрываясь от телефона:

– Ты о чем?

– Посмотри на эту девочку, – я слегка повернула монитор, чтобы ему было видно. – Все время мне ее подсовываете, для всех проектов!

– Да ну, брось! Ладно, давай показывай.

Я пролистала фотографии, Дима быстро их проглядел и отмахнулся:

– Ой, не придумывай! Разные дети. Просто немного похожи. Они, когда мелкие, все на одно лицо.

«Это для вас, мужиков, на одно лицо, а для матери...»

– подумала я и осеклась. Для матери?

Дима ушел, и на край моего стола тут же присела Лиза.

Я замерла, не поднимая взгляда. Казалось, если я посмотрю ей в глаза, она тут же все поймет: увидит мои фантазии – о ней, о нас, – услышит мои мысли. Я уставилась в монитор. Пыталась опознать аромат ее духов,

чтобы хоть немного отвлечься. Что-то знакомое: терпкое, древесное, с легкой цитрусовой ноткой.

– Извини, что подслушала, но очень уж интересно. Покажи-ка девочку, – попросила она.

Я пролистала несколько фотографий и решила наконец взглянуть на Лизу. Она приподняла брови и подтвердила:

– Реально одна и та же. А мне ее ни разу не присылали. Вообще ни разу!

Она смотрела на меня с интересом, спокойно и открыто. Ее худое бедро было в каких-то пяти сантиметрах от моей мышки и моей руки. Хотелось, чтобы она не уходила, так и сидела до конца рабочего дня. И после.

Лиза уже готова была уйти, и на этом бы все закончилось. Мы бы продолжили говорить о работе, желать друг другу приятного аппетита в офисной столовой и вежливо бессмысленно улыбаться изо дня в день. Нужно было на что-то решиться, и мне не пришлось в голову ничего лучше, чем сказать правду:

– Да, ее только мне отправляют. Потому что это моя девочка, моя виртуальная дочь, – я посмотрела в календарь и добавила, рискуя окончательно все испортить: – кстати, послезавтра у нее день рождения – три года. Лиза должна была рассмеяться, решить, что я совсем поехавшая, но она только кивнула.

– Интересно. Слушай, а может, отметим? Я торт испеку с тремя свечками.

На следующий день я впервые оказалась у нее в гостях. Еще через неделю – поцеловала. Через полгода мы съехались. Все получалось подозрительно легко, и иногда мне казалось, что я живу в симуляции – узкотаргетированной, тонко настроенной под мои интересы. Я боялась проснуться однажды в одиночестве и убедиться, что в реальности ничего между нами не было. Прийти на работу и увидеть там чужую Лизу – обаятельную коллегу, которой нет до меня никакого дела. Но каждое утро я открывала глаза и по-прежнему

видела ее растрепанную голову на соседней подушке. Тем временем моя виртуальная дочь выросла: мне рекламировали частные детские сады, кукол Барби и занятия для подготовки к школе. Барби мы с Лизой купили ей на шестой день рождения: отмечали теперь каждый год. Лиза пекла для Нюры торт и зажигала свечи. Да, забыла сказать: мы называли ее Нюрой еще в тот первый вечер – от «нейронных сетей», которые выбрали меня ее мамой.

И вот сегодня Нюра должна была идти в первый класс. Мы с Лизой договорились: пойдет в школу, и я ее отпускаю. Пусть живет своей жизнью, а мы будем жить своей. Лиза родит малыша, и мы станем настоящими матерями. Мы даже донора уже выбрали: голубоглазого брюнета, похожего на меня. Но я не могла так просто отпустить свою доченьку. Разговаривала с ней в мыслях, писала письма, тайком от Лизы шарилась по стоковому библиотечкам в поисках новых фотографий.

Я как раз разглядывала одну из них, когда пиарщица Маша кинула в рабочий чат ссылку на статью из «Медузы» и прокомментировала: «Ох, господи боже, читаешь такое и думаешь: слава богу, не с моим!» Под ссылкой – превью с заголовком: «Что известно о жертвах нападения на московскую школу». И фото стихийного мемориала: свечи, цветы и мягкие игрушки вокруг портрета маленькой девочки в бантиках. Портрета Нюры. Да нет, ну какая Нюра! Просто похожа, все дети на одно лицо. Я открыла статью и быстро проскроллила чужих незнакомых подростков. Еще одно фото Нюры пролетело вверх, вспышкой отпечаталось в сознании. Надо открыть назад, проверить. Не она ведь? Просто похожа. Но я никак не решалась. Закрывать глаза, крутанула колесико мыши, откинулась в кресле. Открыла глаза. «Аня Мельникова, 7 лет». Мельникова. Мельникова? Моя фамилия? Сюр какой-то! Это было так абсурдно, что мне стало

легче. Отвлечься, заглянуть в инстаграм, перейти по рекламе детских книжек, купить несколько. А потом вернуться к статье и увидеть там совершенно незнакомое лицо.

И я открыла приложение в поисках привычной рекламы для родителей. Горящие туры в Грецию. Сумки из натуральной кожи. Новый видовой ресторан. Где, черт возьми, где?! Я остервенело скроллила дальше и дальше, по рекомендованным, мимо котиков и сногшибательных видов Байкала, мимо модных интерьеров и дурацких видео с хомяком. Курсы для иллюстраторов. Фестиваль квир-культуры. Беговые кроссовки. Карта с кешбэком. Доставка еды на неделю. Подписка на Netflix. Все. Нейронные сети больше не считали меня матерью.

АНАСТАСИЯ ТИМОФЕЕВА

КУШЕТКА

Чуть уловимый запах горя
Все сковал

Живот мой
Руки
Сердце

И на экране
Черно-белая печаль
От нерожденного
Желанного
Младенца

Он пахнет
Кожаной
Кушеткой
Для меня

~~НЕ~~детский
вопрос

НЕ ХОЧУ БЫТЬ СТАРШЕЙ

– Ты же понимаешь, мне тяжело. Батяка твой совсем не помогает. И поспеши, а то Оля без питания останется. Там должно быть сегодня две бутылочки молока, кефир и мясное пюре. Неважно какое, но если будет, то бери лучше куриное, – мать говорила раздраженно, впопыхах, словно боялась что-то забыть. – Потом забеги в хлебный, у них по пятницам булочки с маком привозят. Возьми только две. В молочном сливочного масла прихвати: тебе завтра нечего в школу взять. Батон не покупай. Еще вчерашний есть. – Мам, мне тяжело будет нести, – Тая опустила худенькие плечи и потупилась в пол. – Тяжело ей будет, – мать уперла руки в бока. – Вы только гляньте! А мне не тяжело? Я каждый день с утра

до ночи пашу! Большая уже, первый класс, как-никак, заканчиваешь. Ты теперь старшая, а значит, сильная. Тая поспешила из квартиры и направилась на молочную кухню.

Каждый день после школы девочка послушно брала котомку с пустыми бутылочками и плелась к микроавтобусу возле аптеки. Это было обязательное задание.

«Ненавижу мать, и сестру, и всех, всех, всех...» Тая стояла в очереди с молодыми матерями за молочным питанием. В голову пришла песня: «Я так хочу, чтобы лето не кончалось, чтоб оно за мною мчалось...»

Тая напевала про себя и качала в такт котомкой.

– Девочка, тебе чего? – позвала молочница в телесах.

– Мне молока, кефира и мяса, – очнулась Тая.

– Ну мяса-то у нас нет, есть пюре мясное, – в очереди захохотали.

Тая покраснела и почему-то виновато посмотрела на тетку-молочницу.

– Будет вам гоготать, – по-доброму прикрикнула тетка. – Мать-то где? – обратилась она к Тае. – Я смотрю, ты каждый день приходишь, – молочница наклонила голову и прищурилась.

– Дома она. За Олей глаз да глаз надо, беспокойная она. Вчера вот клею силикатного наелась, температура поднялась, – внезапно разговори-лась Тая.

В очереди замолчали. Женщина, стоявшая за девочкой, тяжело вздохнула.

– Ладно, давай бутылочки, – молочница взяла посуду и закопошилась в машине. Затем выдала питание. – А это вот тебе. Творог со вчерашнего дня, правда, остался, но он долго хранится. Мамаша одна не забрала.

Тая посмотрела по сторонам, словно боялась, что это какой-то подвох, но творог взяла. «Ладно, ничего в этом страшного нет. Буду ходить

за молоком для Оли, вдруг и завтра творога дадут», – размышляла Тая, уплетая лакомство за обе щеки.

Денег в семье не хватало, покупали только самое необходимое, и творог Тае сейчас казался огромным куском торта.

За хлебом тоже была очередь, но булочки Тая все же купить успела, и от этого радовалась особенно. Если мать давала задание, а Тае не удавалось выполнить как сказано, мать сердилась:

«Надо пошустрее быть. Так и всю жизнь профукаешь и ничего не успеешь».

По дороге домой Тая остановилась у тополя. Сумки поставила у ствола, чтобы немного отдохнуть.

Она любила поднимать голову вверх так высоко, чтобы начинала кружиться. Тая смотрела на дрожащие листья и представляла, как она несется на цепочной карусели.

Иногда она была одна, а иногда со своим отцом, которого очень любила.

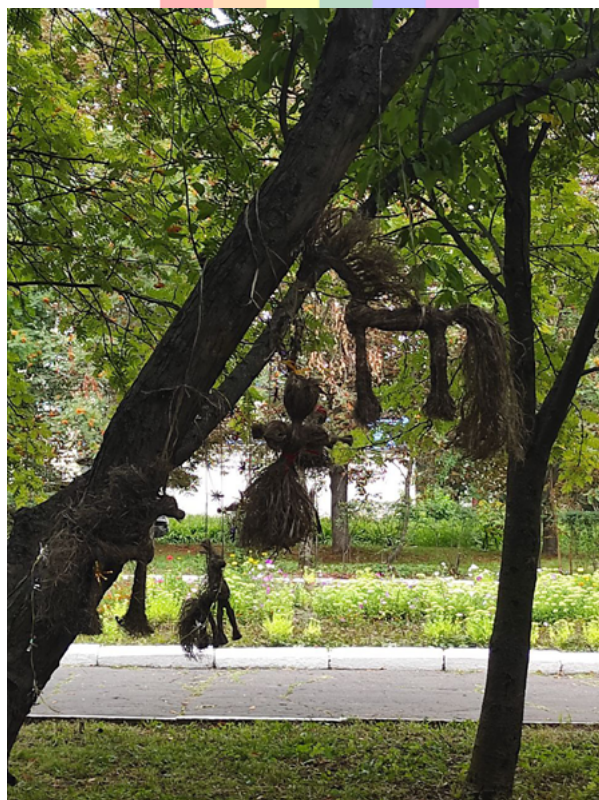
Да, отца Тая любила. Мать часто бубнила: «Что к папке побежишь? Нужна ты ему!

Вон он по бабам своим шастает, а ты его защищаешь да покрываешь».

Тая действительно не раз покрывала отца. Она очень любила, когда папка брал ее с собой на работу. После работы он встречался с друзьями. А там и выпивка, и женщины, и смех, и веселье. Друзья задабривали Таю многочисленными подарками, конфетами, а тетки с ярко накрашенными

губами целовали девочку в покрасневшие щеки и говорили, какая она красивая. В эти минуты Тая любила их тоже, потому что мать никогда не говорила, что она красивая. Иногда Тае даже хотелось, чтобы одна из этих теток удочерила ее, и больше никогда не надо было возвращаться домой, где хозяйствовала недовольная мать.

Но Тая возвращалась с подвы-

пившим отцом домой и, как всегда, начиналась ругань.

Потом мать загоняла Таю в угол и допрашивала:

– Пил отец?

– Нет, мама, не пил.

– Ну я же вижу, что он пил!

От него ж прет за километр,

– повышала голос мать.

– Мамочка, не пил, честное слово, – Тая опускала глаза и плакала.

– Такая малая, а такая врунья! Вся в батьку! Ну я тебе сейчас! Не пил он. Пил! – мать трясла Таю за плечо.

Девочка не сопротивлялась.

Она колотилась в такт трясущейся матери и молчала.

Да, отца Тая любила. И вот сейчас, стоя под топодем, она думала об отце.

«Почему он пьет? Почему он не может делать то, чего хочет мать? Почему они не могут жить все вместе хорошо и счастливо, как, например, Юлькина семья? Может у Юльки спросить, как сделать так, чтобы все и всегда было хорошо? Завтра же спрошу!» Тая опустила голову вниз, взяла котомки и направилась в сторону дома.

ДЕВОЧКА В КЛЕТКЕ

Бедная девочка
в клетке железной
устала от собственной бесполезности,
хронической и непонятной ненужности
той половинке своей, что снаружи.

Та
разрешает поковыть только ночью
над тенью игрушек, разорванных в клочья,
над старыми милыми сказками сердца,
над тем, что болит больше всех
и надеется.

Бедная девочка в клетке железной
снова боится тоски и небрежности.
Слыша шаги приходящей избранницы,
в гранях неслышности хочется спрятаться.

Та,
что снаружи,
готовит ужин.
И служит.
Себя убивая, служит.

Бедная девочка в клетке железной
в кармашках припрятала памяти лезвия.
Но помнить – так жутко.
Все реже и реже
она достает их и боль свою режет.

И той,
что снаружи,
никто уж не нужен:
ни ветер, ни горы, ни летние лужи,
ни ангел, на кончике кисти сидящий.
Ни эта внутри, что пока настоящая.

Зачем же ты, мама,
зачем же так редко ты пыль протирала в железной клетке?
Зачем оставляла мне ужас вопросов?
Я просто поверила.
Знаешь, так просто
поверила в крайнюю степень ненужности
той, что внутри.
И в силу снаружи.

Я ТОТ, КТО Я ЕСТЬ

Полезные ссылки:

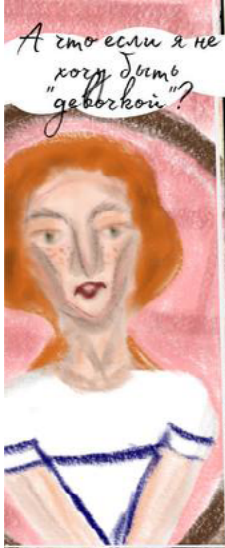
[Комьюнити-центр «Действие»](#)

[ЛГБТ-группа «Выход»](#)

[Ресурс ЛГБТКИА](#)
Москва

[Дальневосточное движение Маяк](#)

[Транс-инициативная группа «Т-Действие»](#)

А что если я не
хочу быть
"девочкой"?

Я транс-
парень

Я все равно
люблю тебя

кто я.сли...
ТРАНСЕСУАЛЬНОСТЬ
НЕБИНАРНОСТЬ

Мама меня
поймет.

Мам, я небинарная
трансесуалка

Это всего лишь
фраза.
Лучше посуду
помой.

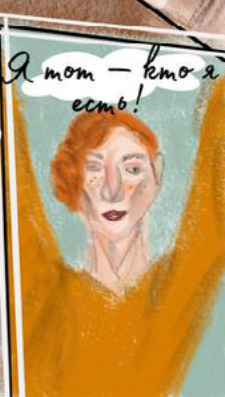

Я транс-
парень.
А если это
фраза?

Мне нравится, что
мне это не
правится

А теперь
попробуюсь.
Я тот, кто я
есть

Я тот — кто я
есть!

СВИТЕР ДЛЯ МАМЫ

*Всем моим любимым женщинам,
которые согревали теплом своих сердец,
пока я наполняла коробку.*

Нина крутанулась в кресле, вытягивая шею в сторону панорамного окна. По тротуару шла маленькая девочка, держась за ладонь матери. Свободной рукой малышка жестикулировала, рассказывая что-то собеседнице. Молодая женщина внимательно слушала, изредка отвечала, улыбаясь маренговыми глазами. На женщине был свитер, от которого Нина не могла оторвать взгляд до тех пор, пока пара не пропала из зоны видимости: белоснежный с объемными голубыми цветами, так красиво оттеняющими глаза незнакомки. Нина мечтала о таком лет в шестнадцать, когда влюби-

лась в первый раз, и робкая мысль о собственном ребенке посетила ее. Да, тогда казалось, что такой свитер она смогла бы связать к семилетию своего малыша. В горле опять запершило, как всегда бывало при мыслях о пустых надеждах.

Нина развернулась к зеркалу и грустно улыбнулась парикмахеру. Ольга слегка сжала ее плечо и, подхватив прядь, зачала ножницами для филировки.

– Не успеаешь связать? – спросила Ольга.

– Не знаю еще. Его день рождения уже на следующей неделе.

– А ты не хочешь попробо-

вать что-то такое? – Ольга указала ножницами на женщину в трех креслах от них. Мастер той как раз снимал накидку, стряхивая большой пушистой кисточкой волоски с шеи брюнетки.

На ней был короткий вязаный топ черного цвета с тонкими бретелями и глубоким вырезом. Чтобы собрать пряжу на такой, вряд ли потребовалось много усилий.

Нина не могла даже определить для себя, что было хуже: все знают эту женщину как никчемную мать, или что той действительно казалось: в этом нет ничего такого – рассказывать в прямом доказательстве своего «холодного» материнства.

Прерывая ее размышления, брюнетка громко заговорила по телефону:

– Василий! Заберите Алексея из школы, я не успеваю. У меня договор... Да. Да. Нет, к бабушке. И да, Василий, спросите его там как дела. Если будет важное, напишите мне в WhatsApp, – женщина стремительно вышла из салона, отключая на ходу телефон.

Нина отрицательно покачала головой.

Ольга понимающе хмыкнула, продолжив стрижку.

На ней был охрового цвета кардиган с тремя кокосовыми пуговицами. По резинке снизу маленькие надрывы полотна, и манжеты растянуты. В этом не было ничего удивительного: сыну Ольги уже девятнадцать лет.

Сложно было за такой срок поддерживать отношения с ребенком в идеальном состоянии, чтобы свитер выглядел как новенький. Но в целом это добротная вещь с накладными карма...

– Что случилось? – Нина точно помнила, что в прошлом месяце кармана было два. А теперь на месте второго – прямоугольник на несколько тонов темнее всего остального полотна.

– Девицу привел, – вздохнула Ольга, увидев, куда смотрит Нина. – Говорит, люблю, не могу. Жить с нами будет. В девятнадцать-то. Ну я и наговорила всякого. Разругались страшно. Утром проснулась, а кармана нет. Нина отодвинулась от агрес-

сивно защелкавших возле уха ножниц. Ольга опустила руки, выпуская воздух сквозь сцепленные зубы.

– А у нее, у девки этой, еще серьга такая дурацкая в носу. Знаешь, как у быка между ноздрей, – женщина отвернула лицо в сторону, быстро-быстро моргая.

Нина вышла из салона, пряча нос в ворот кашемирового пальто, которое ни черта не грело. «Ольге хорошо, у нее есть кардиган. Выдумала она, конечно, себе проблеме», – Нина фыркнула вслух. «Да пусть живет как хочет. Если бы Савва когда-нибудь только смог жить с девушкой... Да хоть в шестнадцать. Хоть с парнем или бабушкой. Они совсем не понимают. Ходят в своих свитерах, водолазках, кардиганах с косами. Некоторые вообще пальто умудряются связать».

Навстречу как раз шла женщина в пальто из пряжи грязно-болотного цвета длиною до самых пят и объемным воротником-хомутом. Она тянула за руку мальчика лет девяти и что-то монотонно ему втолковывала.

Мальчишка был бледный с россыпью серых веснушек на носу. Под глазами темные круги, как у сорокалетнего клерка, которому кофе и сигареты заменяют сон и свежий воздух.

– Ты понимаешь, что день рождения будет в игровой? Представляешь сколько там микробов? Все чихают, сопели, слюни. А если кто-то с горки съедет и толкнет тебя? Хочешь травму? – сыпала она вопросами. И с каждым следующим, уголки губ мальчика опускались все ниже, а взгляд стекленел.

– Лучше я дома тебе почи-таю. Или театр теней устроим! – взвизгнула женщина от идеи, понравившейся ей одной.

«Нет, пальто, пожалуй, перебор», – думала Нина, открывая дверь ключом. Игорь выглянул из кухни на шум в прихожей. На нем был фартук, повязанный поверх домашних штанов. Он потряс мыльными руками, показывая, что подойти не может. Нина кивнула. Сняв пальто и ботинки, прошла на кухню, обхватывая Игоря за талию.

Поцеловала между лопаток и прислонилась щекой к спине мужа. Игорь слегка откинул голову, касаясь затылком ее макушки. Из крана лилась вода.

– Как дела? – муж вернулся к грязной посуде.

– Нормально. А у вас?

– Как всегда, – пожал плечами Игорь.

Нина еще раз коротко чмокнула его и пошла в детскую. Савва ожидаемо сидел с конструктором.

– Привет, Савва.

– Пиет, Сая.

– Нет, милый. Ты говоришь: «Привет, мама», – не дождавшись реакции, Нина подошла к сыну. Присела перед ним на корточки и чуть с усилием взяла его руки, вдавливая пальцы в тонкие кисти. Савва посмотрел на Нину.

– Привет, мама.

– Пиет, мама.

– Как дела? Кла.., – замолчала она на полуслове, ожидая, что он подхватит.

– Киясно.

– Вот и молодец, – Нина поцеловала нежную щеку, отпуская руки. Савва вернулся к игре.

Он крутил детали, разбирая

модули, и быстро переставлял местами целые части космического корабля. Нине живо представилось, как в голове Саввы крутятся различные 3D модели придуманных конструкций. В ее воображении это были голограммы, как в фильмах про шпионов. В реальности все могло быть совсем по-другому, но вряд ли она когда-то поймет, как работает мозг сына, и на какие визуальные образы тот опирается. А может, и нет вовсе никаких образов, а он «видит» жизнь запахами или, скажем, звуками. В любом случае, как бы там ни было, под сборку Лего его мозг был заточен отлично. Хотелось бы верить, что там есть место и для других сложных модулей. В конце концов, и общение с людьми тоже можно структурировать и обособлять. Нина надеялась, что когда-нибудь Савва одолеет и эту конструкцию.

Нина еще раз чмокнула сына в макушку и вышла из комнаты. Переодеваясь в домашнюю одежду, она бросила взгляд на коробку. Теперь

приходилось собираться с духом, чтобы заглянуть в нее. И неважно, как хорошо она себя чувствовала, всегда был риск, что пряжа снова пропадет. А у нее осталась всего неделя, чтобы добавить еще немного ниток в коробку, которые ткутся из лучших материнских воспоминаний, согревающих до самой смерти. Если первые годы материнства выходят светлыми, то и пряжи хватает на различные узоры и дополнительные детали; если нет, то кому-то едва и на майку можно наскрести. Такой наряд в жизненном буряне не помощник. Но Нина повидала всякого: и как самые прекрасные свитера не выдерживали подросткового бунта и нещадно распускались, и как женщины сбивали жизненный баланс в сторону материнства, оберегая свой огромный безвкусный свитер до конца жизни, и больше ни о чем и ни о ком не думали, даже о самом ребенке. Первый запомнившийся Нине свитер был, конечно, мамин. На его плечах были воланчики, а на груди и спине – косы.

Мама всегда говорила, что ее свитер такой красивый, потому что Нина у нее умница, каким же ему еще быть. И обещала: когда она сама станет матерью, то свяжет себе свитер еще прекраснее. Нина запустила пальцы в бежевое облако шерсти. Вроде бы стало больше? Хотя бы так. Очень уж хотелось нормальный свитер обычной длины и с рукавами. Конечно, ни о каких розах или рюшах мечтать не приходится. Если бы она тогда все не уничтожила...

То было тяжелое время: ребенок, не умеющий коммуницировать привычным для всех образом, и они с Игорем, не понимающие, что с этим делать. Савва был такой же непредсказуемый, как торнадо. При этом не разговаривал, но дело было даже не в отсутствии речи, а в общении в широком смысле. Он был как Маугли, вернувшийся в племя людей. Хотя и это не совсем верное сравнение: у Маугли до людей были хотя бы волки. Савва же будто телепортировался с Альфа Центавры в тело мла-

денца. И Нине казалось, что внутри ее сына так и сидит взрослый инопланетянин, периодически возмущаясь и требуя его понять. Со временем он будто начал мириться со своим положением и даже согласился постараться вникнуть в правила игры, но первые три года своей земной жизни был полон решимости сопротивляться.

В тот день они возвращались из сада, где опять жаловались: убегает, с детьми не играет, спать всем мешает и что-то еще, еще, еще. Нина

уткнулась в свои мысли, думая, что она бракованная или проклята. Недостойна быть матерью, раз не справляется. Мало, очень мало старается. И плевать, что перерыла весь интернет в поисках информации. Плевать, что собрала огромную кипу бумаг с выписками, диагнозами, заключениями. Значит, не там ищет и не к тем ходит.

Болтаясь в потоке самоугнетения, она не заметила, как Савва выпустил

руку. Тело само бросилось в сторону сына, выхватывая того из-под колес машины. Потом опять само же зажало Савву в тиски, игнорируя попытки ребенка вырваться из слишком крепкого захвата, и раскачивалось из стороны в сторону.

И тогда это случилось.

Нина подумала: «А может, лучше мне было остаться стоять на этом тротуаре... Погоревала бы, да. Но ведь и так больше нет сил».

Испугавшись, затолкнула все эти мысли глубоко за преде-

лы сознания. Первую неделю после происшествия прожила почти нормально, не чувствуя ничего странного. Надо сказать, что чувствовать она вообще себе почти не позволяла, чтобы не треснуть по швам, наверное. Но когда она заглянула в коробку, то сдерживаться сил не было. Ослепленная пустотой внутри, Нина растерянно потрясла коробку, оглядываясь по сторонам, и так и осела на пол. Она еще долго приставала к Игорю с расспросами: не брал ли он коробку? Или, может, Савва? Хоть она и знала, что это было невозможно. И когда душевные метания стали затухать, она наконец признала то, что поняла, как только заглянула в пустоту: она и правда пожелала этого. Безмолвно попросила «освобождения». Такие матери пряжи не получают вовсе. Следующие полгода прошли мимо. Все было серым, за исключением черно-угольных, разъедающих внутренности мыслей. Она была со всем этим одна. Поговорить с Игорем? Тогда казалось,

что ему не понять. Подумаешь, не съездит с сыном на рыбалку, или не научит кататься на велосипеде. Это же ерунда по сравнению с ее испытаниями. Это ей теперь ходить всю жизнь без свитера, заклеянной таро ничемной женщины.

Нина днями лежала на кровати, всматриваясь в гладкий потолок. Прерывалась только на занятия сына, да на готовку для семьи. Коробку даже не открывала, зная, что там пусто. Да с чего бы быть пряже, если у Нины там, где обычно у людей замирает от восторга или бешено стучит от страха, теперь вакуум. Она все порывалась вообще выбросить коробку, но Игорь не разрешал.

Кажется, апогеем стала крутящаяся пластинка с одной-единственной аудиодорожкой: «Савва ни при чем. Он ребенок, чистая душа. В отличие от тебя. Ты недостойна и рукава от свитера, совсем как те, что убивают детей или отказываются от них».

Нина всерьез уже думала, что растеряла способность выражать эмоции или чув-

ствовать их, пока одним декабрьским вечером Савва не доказал обратное. Он подошел к ней, протягивая стакан, и привычным для них обоим жестом подтолкнул руку матери к крану, впервые в жизни сказал: «Пить».

Нина слышала голос сына. Не в форме крика или монотонного мычания, а в форме самой настоящей речи. Пусть механической – эмоции и интонации для него до сих пор из разряда задач со звездочкой, – но это было нормальное слово.

И тогда-то уничтожающая аудиодорожка внутри черепа впервые заткнулась.

С тех пор сантиметр за сантиметром она начала заново собирать свою пряжу. Замечала, как Савва любит обниматься втроем, валяясь на диване под пушистым пледом, которого не хватает на двоих взрослых и одного малыша с шилом в попе, но никому и в голову не приходило брать еще один.

Как делает успехи на занятиях: мизерные для мира, но большие для ребенка в его состоянии. Как смешно

морщится, когда она целует его в нос, или как старательно подмигивает в ответ, помогая себе уголком губ. И даже велосипед Игорь ему уж купил, учатся понемногу во дворе.

Иногда ужиная, она бросает короткий взгляд на своего мальчика и уверяется, что он счастлив. Это видно, если быть внимательной: как он улыбается, поднимая глаза к потолку, или называет их мама и папа, поглядывая попеременно на каждого. Они с Игорем синхронно добавляют: «И Савва», – потому что без него их бы, таких вот мамы и папы, просто не было.

Завтра Савве семь лет. Игорь купил огромную коробку дорожущего Лего, уверяя, что набор из самых лучших. Нина не разбирается. Она привязала к коробке шарики и поставила ее на письменный стол: будет сюрприз. Тихо прикрыла дверь и пошла в гардеробную. Там, на дне коробки, под шерстью лежали спицы, которые подарила мама своей дочери

в день свадьбы. Та наивная девчонка и не поверила бы, что может быть счастлива, даже если жизнь смяла запланированный сценарий и вышвырнула его окно.

Нина, включив торшер, села за вязание. Пряжа была тонкая, и из-за крупного диаметра спиц полотно выходило прозрачным. Таким же хрупким и невесомым, как ее любовь, которую она бережно вплетала в каждый узелок. Закончив работу глубоко за полночь, Нина подняла готовый свитер оценивая.

Необычно, конечно, но все же вышло очень даже неплохо. Прикрыв глаза и глубоко вздохнув, она нырнула в бежевую паутину, позволяя той мягко ложиться на плечи и нежно касаться оголенных участков тела, успокаивая теплом. Взглянув в зеркало, Нина покрутилась, улыбаясь отражению.

Теперь главное – носить аккуратно, чтобы свитер согревал до конца жизни.

Я УТАЩУ ТЕБЯ НА ДНО

Если когда-нибудь будете идти в одиночку по ночному Петербургу и увидите нечто вроде огромного светлячка, не пытайтесь следовать за ним. А еще лучше, развернитесь и уносите ноги.

Когда я впервые встретил блуждающие огоньки, то чуть не погиб. В тот день я шел по городу один в мерзком расположении духа.

Шел май и перед носом звенел выпускной, а я совсем запустил учебу в последние месяцы. Я понимал, что, если мне и удастся окончить школу, то куда хуже, чем я рассчитывал. Но то угнетало куда меньше, чем кошмар, творившийся дома. Тем более что второе было причиной первого...

Тогда я думал, что пройтись по ночному городу, чтобы разогнать мрачные мысли –

удачная идея. Еще один мой совет вам: если вы будете в Питере и вам будет мерзко на душе, не выходите на улицу ночью. Ночной город коварен. Многие считают Петербург волшебным, и они правы. В нем действительно обитает магия и чудесные создания. Но чудеса эти – темные и опасные. И отчаявшиеся люди для них особенно уязвимы. Именно те, кто вдруг перестал видеть свет в своей жизни, могут стать легкой добычей темных порождений города.

Я шел по безлюдной улице Петроградской стороны, когда мне встретился блуждающий огонек. Он был похож на сгусток света от фонаря. Но этот свет подобно светлячку плавал в воздухе, то поднимаясь, то опускаясь. И он что-то напевал. Это была

песня без слов, и звучала она лишь в моей голове, но не менее отчетливо, чем «настоящая» музыка.

Увидев огонек, я захотел подойти и разглядеть его поближе. И последовал за ним. Но, едва я шагнул в его сторону, огонек начал удаляться от меня. Он убегал медленно, но не останавливался. Я решил уже, что все это лишь плод моего воображения, и собирался развернуться в сторону дома. Но его песня заморозила меня, и я продолжал идти.

Я преследовал блуждающий огонек, а тот все время уплывал, но не отрывался и не исчезал. Наконец он вывел меня на набережную и спустился к воде. Я пошел за ним.

Набережная была безлюдна, зато там я встретил еще несколько блуждающих огоньков. Они парили над водой и напевали свою песню. Я стоял у самой кромки берега и заморозенно смотрел на них, и слушал. За этим я не увидел, как из воды что-то высунулось, уцепилось за мои ноги и дернуло вниз.

Вот я стоял на набережной и вдруг оказался под водой. Чьи-то сильные руки обвили туловище, не давая выплыть. Я начал задыхаться и падать на дно, не видя и не слыша ничего вокруг себя, среди серого подводного мрака и тишины. Я уже потерял было сознание, как вдруг в легкие снова ворвался воздух, и я ударился всем телом о гранитные плиты.

Какое-то время я лежал, отплевываясь, а потом осмотрелся... И отпрыгнул от берега, увидев торчащую из воды девичью голову, с серым лицом и длинными черными волосами. Она была красива и ужасна одновременно. Пожалуй, так же как мог бы выглядеть труп молодой и красивой при жизни утопленницы. А еще ее лицо казалось мне смутно знакомым. Только я не мог припомнить, откуда.

Девушка посмотрела на меня какое-то время, а потом вдруг сказала:

– Извини. Ты не должен был оказаться здесь. Уходи поскорее, пока не явились мои сестры. Они не так разборчи-

вы, как я.

Она повернула взгляд к блуждающим огонькам и вдруг зашипела на них, прямо как кошка. Те в ответ лишь захихикали и закружились в танце над рекой. Потом девушка стала погружаться обратно в воду.

– Подожди! – окликнул я ее.

Она остановилась и вновь повернулась ко мне.

– Кто ты?

– Никто, – ответила она. – Когда-то меня звали Алина, но теперь нет.

И она исчезла.

А вот огоньки никуда не делись. Они продолжали плясать над водой и взывать ко мне. Но теперь их чары на меня не действовали, поэтому я поднялся и ушел.

На следующую ночь вернулся на то самое место и позвал ее по имени. Я решил попытаться, хотя и не думал, что она откликнется. Но через какое-то время девушка появилась.

– Снова ты? – сказала она недовольным голосом. – Ты что, хочешь, чтобы тебя все-таки утащили на дно?

– Нет. Я хочу поговорить. Я

знаю, кто ты. Меня, кстати, Данил зовут.

Вчера ночью, я долго пытался вспомнить, где мог ее видеть. В конце концов у меня получилось. Чтобы проверить свою догадку, я залез в интернет и очень скоро нашел там статью о пропавшей девочке шестнадцати лет по имени Алина Кáминская. Это было два года назад. Девочку так и не нашли, как и ее тело. Зато два месяца спустя пропал ее отчим, Борис Антонов. И вот его труп обнаружили через какое-то время плавающим в Малой Невке. Как раз таки поблизости от того места, где я вчера чуть не утонул. В статье была фотография Алины, сделанная незадолго до исчезновения. Благодаря ей я убедился в том, что это была та самая девочка, которую я встретил ночью у реки, и которая меня чуть не утопила.

– Очень приятно, Данил, – сказала Алина, Впрочем, не особо дружелюбно. – И, о чем же ты хочешь поговорить? Несмотря на то что ее тон был не слишком вежливым, мне казалось, она совсем не

против беседы и даже рада, что кто-то захотел поболтать с ней. Не знаю, как там устроена ее жизнь под водой, но уверен, что у нее мало развлечений. Я сел на плиты, подстелив себе куртку, и спросил:

– Ты русалка?

Она пожалала плечами.

– Ну, видимо, да. Хотя не думаю, что твое понимание этого слова совпадает с тем, чем являюсь я.

– Ну, русалки разные бывают. По крайней мере, в сказках и мифах.

В ту ночь таинственные огоньки тоже составляли нам компанию, поэтому я ткнул в них и спросил:

– А это что?

– Не что, а кто. Это блуднички. Их еще называют блуждающие огоньки. Они тоже когда-то были людьми, пока не умерли. Теперь это души, которые бродят иногда по ночному городу. Они нам помогают. Мы, темные духи, знаешь ли, очень сплоченные. Иначе нам просто не выжить.

– И они помогают тебе топить мужчин?

– Да, ты все правильно по-

нял. Кстати, некоторые из них – это как раз души утопленников. Я им говорила, чтобы они приводили мне не кого попало, а только очень плохих дядек. Но они сами с характером, и приказывать им я не могу.

– А как же ты стала русалкой? Можешь рассказать?

– Это плохая история. Не думаю, что она тебе интересна. Вас, мужчин, не особо интересует наша жизнь. Наша настоящая жизнь, а не та, которую вы там выдумали.

– Но мне интересно. Расскажи, пожалуйста.

Она немного помолчала, глядя на меня и хмурясь, но потом сказала:

– Ладно. Я тебе расскажу. Но если ты ляпнешь что-нибудь из той чуши, что я слышала при жизни – в этот раз я точно тебя утоплю. Я предупредила.

Я не понял, чего же именно не должен ляпнуть, поэтому решил просто держать рот на замке, чтобы ненароком не разозлить ее. Алина начала рассказ.

Я жила здесь, в Питере. Недалеко от центра. Мою маму зовут Наталья. Она работает в пекарне. По крайней мере, работала, пока я была жива. Сейчас уже не знаю, что с ней. А папы у меня никогда не было. Мама говорила, он ее бросил, когда узнал, что

я появлюсь на свет. Поэтому до двенадцати лет она растила меня одна.

А потом у нее появился этот Борис. Он был на пять лет старше моей мамы. Развелся несколько лет назад с бывшей женой, с которой у них была дочка чуть постарше меня. Борис, помнится, жа-

ловался, что его жена – злобная стерва. Что изменяла ему, пока они жили вместе, а после развода запретила общаться с дочкой.

Борис был очень милым и добрым в первое время. Он очень красиво ухаживал за мамой, дарил ей цветы и всякие подарки, а мне покупал конфеты и мороженое. Мама рассказала ему, что я хожу в музыкальную школу и играю на скрипке. Тогда он подарил мне новую скрипку, очень хорошую и красивую. Я была очень рада. А еще он все время водил нас с мамой куда-нибудь: в аквапарк, в кино, на дачу свою возил. Ну и как-то так само собой сложилось, что мы к нему переехали. Стали вместе жить. Первое время тоже все хорошо было. Борис был очень добрым и заботливым. Сказал маме с работы уходить. Говорил, зачем ей себя мучить в этой пекарне, если он ее обеспечить может? Мама была очень рада. Она сильно устала тянуть нас одна. Зарабатывала она всегда мало, да еще и приходилось жилье снимать. Так что

она была счастлива, что теперь ее мужчина будет содержать. Да и я была рада. Борис мне тогда очень нравился. Мы с ним хорошо ладили. Я даже стала через какое-то время называть его папой.

Они не поженились. Первое время мама пыталась ему намекнуть как-то, а потом плюнула на это. Решила, что и так все у них хорошо. Есть любовь, есть достаток, а штамп ей без надобности. Это же всего лишь формальности, что ей от них толку? И действительно, какое-то время мы были счастливы.

А через несколько месяцев начался кошмар. Хотя сначала это все не так страшно было. Просто мама с Борисом ругались иногда. Борис запрещал маме ее подруг в дом приводить. Шлюхами их называл. Мама сначала ругалась с ним, но потом решила, что он имеет право такое требовать. Думала, что будет сама к подругам в гости ходить. Но Борис все время ворчал, когда она куда-то собиралась. Говорил, какие ее подруги стервы, и что наверняка говорят за спиной гадости о

нашей семье. В общем, мама сама перестала куда-то ходить одна. Общалась теперь только с друзьями Бориса, когда они к нам в гости приходили. А родственников у нас почти не было. Мои дедушка и бабушка умерли, когда мне было три года. Была у мамы сестра, но она далеко жила, и они могли только переписываться. Она один раз приехала в гости, но Борис потом и про нее стал гадости говорить, и мама больше ее не приглашала. Первый раз он маму ударил, когда мы вместе прожили уже целый год. Несильно ударил, только пощечину дал. Я уже не помню, из-за чего он тогда вышел из себя. Но потом сильно извинялся, а на следующий день принес маме цветы, а мне – какие-то сладости. Клялся, что любит маму и никогда больше руки не поднимет. И не поднимал следующие несколько дней. Потом все опять повторилось. А через какое-то время снова. И каждый раз Борис потом извинялся и говорил, что так больше не будет, и приносил подарки. Но через

какое-то время все начиналось опять. И с каждым разом все хуже. Сначала он мог только слегка ударить и только один раз. Потом стал бить сильнее, иногда об стену ее швырял или мог за волосы потаскать. Потом, когда извинялся, все время говорил: – Ну, это же не так сильно было. Я просто пихнул тебя чуть-чуть и все. Посмотри, даже синяка нет. Синяков действительно не было – в начале. Они стали появляться позже, еще примерно через полгода. Меня Борис никогда не бил, хотя я очень этого боялась. Он делал кое-что другое. Сначала я заметила, что, когда мамы дома нет, Борис на меня как-то странно и долго смотрит. Но я тогда не понимала ничего и решила, что он просто следит, чтобы я хорошо себя вела. Потом он меня все время обнимать стал. Предлагал на коленях у него посидеть, вместе посмотреть телевизор. А пока я сидела, он меня по ногам гладил. Но только когда мама не видела. Потом целовать стал. Не как раньше – в

лоб или щечку. А в шею. Или в глаза.

Когда он меня трогал, я вся скукоживалась и хотела сжаться в комок. А Борис меня все время спрашивал: – Ты же ничего не скажешь маме? А то она не так все поймет.

Я, конечно же, кивала, ведь очень боялась, что иначе он меня побьет. И так все продолжалось.

Мне стало страшно возвращаться домой из школы. Я теперь знала, что меня ждет одно из двух. Либо у Бориса окажется плохое настроение, и он будет кричать на маму и бить. Либо у него будет хорошее настроение, и он станет меня трогать.

Когда мне исполнилось четырнадцать, все стало еще хуже. У Бориса начались проблемы на работе. Ему снизили зарплату, и он уже не мог один семью содержать. Пришлось маме вернуться в пекарню. Но она только рада была, хотя когда-то эту самую пекарню проклинала. Но это еще ладно.

Борис стал еще злее, чем раньше. Мама из-за работы

теперь не успевала за домом следить и еду готовить как раньше. И он был этим очень недоволен. Стал постоянно огрызаться. Теперь уже дня не проходило без того, чтобы он на нее не накричал. Бить тоже бил, но теперь аккуратнее, чтобы у нее синяков не оставалось. На меня тоже срываться стал, хотя руки не поднимал. Извинений и подарков после очередного избиения не было. Мы совсем стали жить как на иголках. Но Борис продолжал ко мне приставать иногда. Когда мамы дома не было, он обычно был поспокойнее. И тогда сажал меня к себе на колени, хотя я уже была почти взрослая. Или садился рядом и начинал тискать. И все время говорил:

– Одно ты у меня утешение, милая! Смотрю на тебя и радуюсь!

И гладил одной рукой по голове, а другой – коленки сжимал. И просил маме ничего не рассказывать.

А потом случилось самое ужасное. Борис разозлился из-за того, что мама ужин вовремя не приготовила.

Но она тогда сама с работы поздно пришла. И мама стала с ним ругаться, хотя уже давно на такое не решалась. Но тут уже не выдержала. В общем, они начали кричать друг на друга, а потом он избил ее еще сильнее, чем когда-либо раньше.

А потом увидел, что она лежит и не шевелится, и все лицо в крови. Попытался ее пощечинами в чувство привести. Но ничего не вышло. Тогда он вызвал скорую, и маму забрали в больницу. Она пришла в себя, но оказалось, что у нее сотрясение мозга, и нос сломан. Оставили в больнице на неделю. Борис ее уговорил сказать, что она сама случайно упала на кухне и об стол ударилась. И мне велел также сказать, если спросят.

Но это было не самое страшное. Когда мы пришли домой, Борис начал ко мне приставать. Сначала, как обычно, просто обнимал и поглаживал. Потом начал одежду стягивать. Я попыталась вырваться. Но он меня схватил за волосы и сказал: – Ну, ты куда, детка? Тебе

что, уже не нравятся наши игры? Смотри, теперь твоя мама нам не будет мешать, и мы можем делать, что захотим. Видишь, как хорошо? Так он свои приставания всегда называл – «наши игры». Я закричала, стала просить его, чтобы он меня отпустил. Но он вместо этого подхватил меня, отнес в спальню и швырнул на кровать. Я кричала и вырывалась. А Борис сдирал с меня одежду и говорил:

– Пока твоя мамаша в больнице, будешь ты меня ублажать, маленькая сучка.

И потом он делал со мной ужасные вещи. Мне было очень больно, я рыдала и звала на помощь. Но никто не пришел.

Потом все кончилось, и он уснул. А я тихонечко оделась и выбежала из дома. Я даже не подумала, что на улице темно, и на меня и там могут напасть.

Я не знала, куда иду, просто шла и плакала. А потом встретила блуждающий огонек. Он меня звал и обещал, что поможет. Что решит мои проблемы. Я и пошла за ним.

Он довел меня до воды, и там я впервые встретила своих сестер. Они все такие же, как и я. Кто-то помоложе, кто-то постарше, но со всеми случилось то же, что и со мной. Нас здесь очень много, в водах Невы.

Я ушла под воду и стала русалкой. Теперь я живу на дне реки. У нас здесь нет мужчин. Сестры говорят, что вы не можете стать русалками. Но иногда к нам приходит один старый волшебник. Мы называем его Чернобог. Я его видела несколько раз, и он много рассказал мне. Он сказал, что лишь в таких местах, как Петербург, могут обитать русалки и другие потусторонние создания. Я спрашивала его почему, и он пытался объяснить, но я так толком и не поняла. Чернобог говорит, что в нашем городе очень много какой-то невидимой силы, которая рождается из человеческих переживаний: страданий, отчаяния, грусти или счастья, вдохновения, мечтаний. И еще он сказал, что в городе есть и другие волшебные создания. Например, домовые. Хотя скорее не

домовые, а музейные, потому что они почти все в музеях живут. И облик имеют не маленьких человечков, как это в сказках рассказывают, а кошек. Но я кроме блудничков никого не встречала. Блуднички – наши друзья. Они помогают нам заманивать мужчин к реке. Но выходить могут только по ночам. Нам на самом деле друг без друга никак. Блуднички очень любят охотиться на заблудшие души. Но они могут лишь манить за собой, и все. Поэтому уводят людей в темные места, туда, где обитают духи вроде нас. А мы, русалки, не можем заставить человека подойти к воде близко и потерять бдительность. Так что нам их помощь очень нужна. Они могут видеть, что в душе у человека, как и мы, русалки. Чернобог говорит, что это потому, что мы живем за счет какой-то энергии или материи, которая проникает в город из пространства между мирами. И что у людей она тоже есть, но меньше. Я быстро подружилась с

блудничками, хотя они и довольно своенравные. Они мне сразу же предложили свою помощь. И я попросила их привести мне Бориса. Они долго не могли его найти. Но я ждала терпеливо, ведь мне торопиться некуда. Русалки могут жить вечно. Чернобог сказал, что мы будем здесь до тех пор, пока существует город. И все же спустя несколько месяцев они нашли Бориса. Он, к слову, был не так внушаем, как ты, и блуднички все никак не могли заставить его подойти вплотную к берегу. Поэтому я вылезла сама и уселась на набережной. Увидев меня, Борис тут же утратил всю свою бдительность. Он смотрел на меня, как тигр на кусок мяса. Он заулыбался, а его глаза расширились. Я тогда сказала: – Привет, папочка! Я соскучилась. А ты? Скучаешь по нашим играм? Подойди обними свою девочку! Борис довольно ухмыльнулся и закивал. Он подошел, сел рядом со мной и обнял. Его нисколько не смущало то, что я была вся мокрая,

холодная и синяя, как труп, которым, по сути, и являюсь. Ведь он был околдован. Борис спросил меня: – Ну, чем займемся, милая? А я улыбнулась и ответила: – Я утащу тебя на дно. А потом схватила его что было сил и спрыгнула в воду. Борис упал вместе со мной. Под водой он начал упираться, и, признаюсь, я бы не удержала его. Но мне на помощь пришли сестры. Тело мы бросили поближе к берегу, чтобы его могли найти. А душу поймали блуднички и превратили ее тоже в блудничка. Да, он тоже где-то здесь, среди них. Но я не знаю который. Они неотличимы друг от друга ни внешне, ни по голосу, ни по мыслям. Ты, наверное, думаешь, что мы чудовища, потому что топим мужчин. Но, что поделаешь, такова теперь наша природа. Если мы не будем топить, мы погибнем сами. И мы стараемся не трогать невинных. Хотя порой это тоже случается, потому что блуднички иногда лентяят и заманивают

кого попало. Вот как тебя.
А на самом деле мы иногда и спасти можем, если вдруг кто-то случайно упал в воду. Ну вот и все. А теперь уходи. И держись ночью подальше от воды.

Алина замолчала. Все это время я смотрел на нее, не отрываясь, но теперь поднял голову. И увидел нечто поразительное.

Рядом с Алиной из-под воды появились другие русалки. Их было дюжины две. Со-всем молодые, как Алина, или даже моложе, и взрослые женщины. Они смотре-ли на меня в упор и кокетли-во улыбались.

– Привет, красавчик, – сказа-ла одна из них.

– Ты такой милый! Подойди поближе – хочу лучше тебя разглядеть, – пропела другая. И они все дружно захихика-ли, а блуждающие огоньки над их головами стали под-прыгивать и кружиться.

Я вдруг расплылся в улыбке и потянулся к ним рукой.

В эту секунду для меня не было ничего желанней, чем оказаться под водой, в их

нежных руках...

– Оставьте его, сестры, – ска-зала Алина. – Мы не будем его топить. Он хороший.

Услышав ее голос, я тут же пришел в себя и отполз по-дальше от берега.

– Хороший? – удивилась одна из русалок. – Будет тебе, Алина. Неужто ты все еще веришь, что мужчины могут быть хорошими?

– А даже если и так, – под-хватила другая. – То это только сейчас, потому что он молодой. Он еще натворит делов, вот увидишь, сестра!

– Я верю в него, – сказала Алина. – Оставьте его, милые мои. А ты уходи. И больше не возвращайся.

И она скрылась под водой.

Другие русалки одна за другой последовали за ней.

Блуждающие огоньки еще какое-то время поплясали пе-редо мной, но вскоре разлете-лись кто куда. Должно быть, на поиски другой жертвы.

А я побрел, думая о том, как несправедливо, что мужчи-ны не могут стать русалками. Я шел домой, гадая, хорошее или плохое настроение будет сегодня у моего отчима.

Стриптоцид

ПРИВЕТ, РЫЖУХА!

– Привет, рыжуха!
– Трусики снимешь?
– Pokaji sisk!
– Встань рачком.
– Podrochish?
– Julie, тебе сколько?
– А скока дашь? – заинтересованно спросила Julie и хитро прищурилась.
– 20!
– Угадал! – соврала она. На вид ей было от силы шестнадцать. Еще не оформившаяся ломкая фигура. Острые ключицы, тонкая шея и маленькая девичья грудь. Чат продолжал сыпать просьбами.
– Julie, отсосешь?
– Горыныч, щас в бан пойдем! – она посмотрела на корзину – в ней было донатов на сорок токенов. Мало. А она уже ведь час сидела топлес.
– Мальчики, чего вы такие жадные!? – она сделала жа-

лостливое лицо. – Наберете двести, я раздеваюсь. Она пальцами оттопырила свои шелковые Intimissimi, заманчиво потянула их вниз, потом влево-вправо. Приглашала к действию. Токены со звоном посыпались в ее корзину.
Я быстро кликнул на «приват». Забросил пятьсот монет. Она увидела мою аватарку.
– Мальчики, я скоро вернусь! У меня гости!
Сначала на общем экране высочил блюр с титром, что она в привате. Потом открылось отдельное окно. Julie посмотрела в темный экран. Свою камеру я не включил.
– Приветик!
Я молчал.
– Ты меня слышишь, дорогой?
– Да, – тихо ответил я.
Слишком тихо.
– Ха. За дверью жена, и

детей разбудим? – она тоже перешла на шепот и заговорщически продолжила, – с чего начинаем?

Я молчал.

– Хочешь, я сниму? Медленно.

– Сядь.

– Что? – она удивилась.

– Просто сядь, – попросил я, посидим.

– Как хочешь, – она послушно села на кровати.

Время шло. Она сидела не шевелясь. Прошло две минуты. Время привата заканчивалось. Я кинул тысячу. Она удивленно посмотрела прямо в экран. Как будто меня было видно.

– Ух ты! Спасибо!

– Можешь одеться? – попросил я.

– В смысле?

– Одеться. Полностью.

Она вышла из кадра. Вернулась уже одетая. В пошлейшей розовой пижаме с котиками. Села на кровать в позе лотоса.

– Можешь лечь?

– Конечно, – она обрадовалась. Это было ей понятно.

– Теперь ладошку под щеку. И на левый бочок. Повернись, чтобы я видел твое лицо. Мо-

жешь ближе к камере?

Она пододвинула камеру к себе.

– Так?

– Ага. Можно я тебе почитаю?

– Ну, давай. Если хочешь.

Я достал айфон. Начал неторопливо и с выражением читать.

– «Бедная Алиса! Разве могла она теперь пройти в дверцу? Она уселась на пол и снова расплакалась. Стыдись, – сказала себе Алиса немного спустя. – Такая большая девочка – и плачешь! Сейчас же перестань, слышишь? Но слезы лились ручьями»...

Julie слушала сказку, раскрыв глаза. Не моргая.

Я снова накинул токены.

Купил час ее времени. В ночной тишине звон монет прозвучал очень громко. Julie встрепелась.

– Ой, – совсем по-детски обрадовалась она. – Спасибоочки... – Никогда еще ей не платили так много и сразу. Я попросил ее выключить свет, оставить только гирлянду на стене и изумрудный ночник в виде сердечка. Продолжил.

Julie прикрыла глаза. Дыхание у нее становилось все тише и тише

Julie заснула.

Я долго смотрел, как спит моя дочь.

Я помнил ее еще совсем маленькой. Тогда я прочел ей на ночь «Алису». Она засыпала только под эту книгу. Мысленно сфоткал ее. Запомнил ее рыжие волосы, крохотный носик и тонкие пальцы. Она причмокнула во сне. Пустила слюни. Но мне было уже все равно. Прошел мимо спальни, где спала жена. Тихо оделся. Проверил загранпаспорт. Оставил ключи в прихожей. Выскочил за дверь. Поймал такси и рванул аэропорт. Больше я их не видел. Что Ленка умерла, я узнал случайно, от Витьки Егорова. На похороны я не полетел. Или не захотел полететь. Ленка давно была для меня уже чужой человек. Да и тогда у нас ничего общего не было. Только Юлька... Женились мы по залету. Еще в студенчестве. И деньги я ей посылал честно. Сколько мог.

Однажды она мне позвонила. Попросила не слать ничего. Сказала, что она вышла замуж и очень счастлива. И что муж у нее владелец фабрики по производству матрасов, и что они собираются в Испанию на отдых. И что Юлька отличница, ходит в музыкалку, в художку и на фигурное катание, и все ее хвалят. Потом, от того же Витьки Егорова, я узнал, что она все наврала. Что замуж она так и не вышла. И что Юльку выгнали из школы за неуспеваемость. И от него же узнал, что дочь застукали в сети. И что она там продает себя. Я не поверил. Он прислал ссылку. Дочь была похожа на меня. Такая же рыжая.

Я отодвинул штору. Бостон просыпался. Горячий белый пар бил из канализационных люков. На Бикон-стрит появились мусороуборочные машины. Продавцы бретцелей развозили свои тележки. Пора идти на работу. Сегодня было PRM по рекламе канадского шампуня из шишек. Я взглянул на монитор. Юлька причмокнула во

сне, как маленький ребенок. Пустила слюну. Что-то защемило глубоко в груди. Мне стало плохо. Хуево совсем. Я купил билет до Москвы на ближайший рейс. Интересно, летают ли самолеты до Набережных Челнов или придется добираться поездом?

Юлька проснулась оттого, что зазвенели монеты. Было уже утро.

- Проснулась, сладкая!
- Можно я рядом полежу?
- Сиськи покажешь?

Юле показалось, что она проспала всего полчаса. Ей что-то снилось хорошее. Что именно, она не помнила. Она, кажется, была в том сне маленькой девочкой... Кто-то читал ей сказку про какую-то Алису, которая все время плакала и куда-то хотела попасть. Голос был мужской, незнакомый совсем, но не чужой. Откуда она помнит этот голос?

Julia поднялась...

– Эй, мальчики, чего жадничаете?! – Пальцами оттопырила свои шелковые Intimissimi, заманчиво потянула их вниз, потом влево-вправо. Приглашала к действию.

Звонко застучали токены.

Я, СВОБОДА

Открываю глаза. Серо-белые круги света гуляют по моему лицу. От ярких бликов хочется снова сомкнуть тяжелые ресницы. Я глубоко дышу. Сердце чуть замедляет ход. Мышцы правой руки саднит. Делаю вдох. Слишком высоко. Но сейчас не время бояться. Все, что мне нужно – переставить руку. Не успеваю подумать о движении, правая ослабляет хватку, левая крепче сжимает пилон. Я выдыхаю и слышу удивленные возгласы внизу.

Я в клубе, снова прислушиваюсь к музыке. Сегодня рэп-вечеринка. Гости в широких джинсах и белых майках, а на шеях звенят золотые цепи. До чего же нелепо. Я выгибаю спину и обхватываю пилон ногами, отпускаю руки и медленно скольжу вниз. Под рев зрите-

лей я приземляюсь на сцену, делаю поклон и ухожу.

Больше я так не сделаю. Это точно. Там наверху было колебание. Только чудо и неимоверное усилие воли помогли мне удержаться. Я больше так не смогу.

Я захожу в гримерку и сползаю по стене на пол. Беззвучные рыдания вырываются наружу. Ноги дрожат. Я пытаюсь расстегнуть ботинки, пальцы не слушаются, не могу ухватиться за zipper.

– Давай я, – рядом садится Марго. Милая, добрая Марго.

– Спасибо, – отвечаю я сдавленно, не могу дышать.

– У тебя снова паническая атака? – спрашивает она.

Вместо ответа из глаз текут слезы, мешая разомкнуть и без того тяжелые ресницы.

Марго больше не спрашивает, она осторожно протяги-

ваает мне влажные салфетки. Я вытираюсь ими. На белой ткани остаются ужасные разводы, будто на лице произошло убийство.

Марго стягивает с меня высокие ботинки. Пальцы на ногах застыли в судороге. Она заботливо массирует мне ступни. Я плачу сильнее.

– Все? Сломался ковшик? – спрашивает администратор Ани, войдя в гримерку. – Так не пойдет. Тебя просит Вадим.

– Пожалуйста, скажи, что меня нет, – умоляю я.

– Не могу, он уже оплатил приват.

– Посмотри на меня! – кричу я. – Я не могу даже встать.

– Вот понюхай, – она протягивает к моему носу склянку, я вдыхаю мерзкий запах, кажется, он достает до мозга.

– Лучше?

Я не отвечаю. Марго с ужасом смотрит на Ани, но ничего не говорит.

– Обувайся, поправь ресницы, и бегом зарабатывать денежки, – уже мягко говорит Ани. – Просто пойдя к нему, не надо стараться, он и так тебя обожает.

– Ты же знаешь, я не люблю

халтурить, – говорю я ей в надежде избежать встречи с этим Вадимом.

– В общем, как хочешь, – Ани открыла дверь. – Он в первой випке.

Марго помогает мне встать. Я смотрю на себя в зеркало. Макияж размазан по лицу, волосы прядями торчат в разные стороны, на животе красуется алая полоса кровоподтека. Марго дрожащей рукой проводит спонжем с блестками по моему прессу, пытаюсь закрасить синяк. Я осторожно отвожу ее руку.

Мне это больше не нужно.

Я смываю остатки макияжа, отклеиваю пушистые ресницы, Марго прижимает руки к губам и наблюдает. Я босиком направляюсь в вип-комнату номер один – самую дорогую и самую роскошную. Она видала на своем веку такое, что хватит на целую книгу.

Мне всегда нравился приглушенный серо-синий свет там. В нем я чувствую себя невидимкой, могу раствориться и ни о чем не думать. Просто танцевать. В этой комнате нет сотен пар глаз, пристально следящих

за мной. Здесь можно быть собой.

Дрожащей рукой я открываю дверь, и синий свет напол-

тревогой. Он с опаской смотрит на меня. Я сдержанно улыбаюсь.

Несколько секунд стою в не-

няет меня спокойствием. Вадим, элегантный в черном костюме, сидит на диване с шипящим бокалом. Он ходит в клуб последние полгода, и я танцую для него в этой комнате. На лице его замечаю улыбку облегчения, которая тут же сменяется

решительности. Вадим волен позвать охрану или Ани и навсегда покинуть клуб, он этого не делает. Он наблюдает. Я медленно скольжу ладонью по животу к пуговице топа. Вадим замирает в напряжении. Скинув коротенький лоскут, который

закрывал и сковывал грудь, я провожу по волосам и с силой тяну их. Поддавшись, они остаются у меня в руке. Я не решаюсь бросить их на пол. Жду Вадима. Он делает медленный глоток шампанского, не сводя с меня удивленных глаз. Я бросаю парик и в несколько шагов оказываюсь на пилоне под самым потолком.

Мои движения четкие и спокойные. Тело слушается меня, мышцы приятно ноют. Пилон подчиняется мне. Он больше не хочет сбросить меня или причинить боль. Я растворяюсь в движениях. Я открываю глаза и смотрю

на себя в зеркальный потолок. Пилон зажат между плечом и грудью. Раньше топ не позволял выполнить этот элемент. Я люблюсь своим могучим торсом и замечаю, как Вадим, задрав голову, с восторгом смотрит на меня.

Я делаю еще несколько трюков в воздухе и медленно спускаюсь. Прислонившись к пилону, я смотрю на Вадима, жду как приговора, того, что он скажет. Он медленно допивает шампанское, смотрит на меня и улыбается:

– Так вот ты какой!
Выдыхаю.

BelAmor

СЛАБОСТЬ

Аля пришла в то самое кафе, в котором когда-то они ужинали и выпивали. Села за тот же стол.

– Официант? Водки! – Аля сказала это громко, ей было плохо слышно из-за наушников. В плеере играл Рахманинов. По узкому треугольному Алиному лицу лились слезы. Официант дрожащими руками нес на подносе изящную хрустальную рюмку.

«Помяну», – подумала Аля, и как только поднос коснулся стола, тут же выпила водку до дна.

Их познакомил друг на какой-то бессмысленной вечеринке. Хотя друг ли? Аля сразу обратила внимание на ее татарское скуластое лицо, на изумрудные миндалевидные глаза, но между тем увидела в ней гораздо

больше, чем внешнее восточное превосходство. Была в этой улыбке искрящейся, во взгляде волчка та поломанность, что без лишних глупых слов так чертовски роднит людей.

Аля помнила каждую фразу, помнила, как Лара небрежно обронила косметичку, помнила, как бросилась ей помогать, как вместе они, смеясь, убегали с вечеринки...

– Еще водки! – Але хотелось напиться. Было пусто внутри, как будто умерла часть души.

– Может, что-то закусить желаете? – неловко вмешался официант.

– Водки.... Неси бутылку, – с грустью и тихо, уже почти шепотом сказала Аля.

Дома ждали дети и уставший муж.

Дилара, Лара – для близких. Хотя у нее и близких-то не было. Жизнь мелькала блесками, яркостью, агрессией и пустотой. Лара была моделью, много путешествовала, играя разные роли, иногда от души дралась с «глупыми модельками», так называла остальных. Но и драться было не обязательно – пара фраз, и ее не трогали. Ей было жутко одиноко и безумно скучно. Но и рядом видеть никого не хотелось. Все было пустым. А как-то она встретила Алю. «Смешная», – подумала кратко, стесняясь собственных мыслей, боясь привязаться. И больше они расстаться уже не могли.

– Какой бывает любовь? –
Аля чертовски напилась.

– Официант! Какой бывает любовь?!

Официант растерялся, хотел было позвать охрану, но женщина не буянила.

«А вдруг чаевые заплатит хорошие, надо ответить», – мелькнуло у него в голове.

– Вечной, с первого взгляда, страстной, взаимной, плато-

нической, безответной...

– Ух ты, чертяга! Ух чертяга, – Аля лыка не вязала. – Все так, именно так и было. А меня дома муж ждет, знаешь?

– Может быть...

– Неси счет, чертяга, – оборвала она официанта, – я хоть и пьяная, все понимаю, все чувствую.

«Вечная, с первого взгляда, страстная, платоническая, безответная», – подумала Аля. Все так и было. У каждой из них была своя жизнь, свои мужчины. Но, казалось Але, когда они были вместе, больше не существовало ничего. И сейчас не существовало ничего, только совсем иначе. Дилары больше не было.

Что случилось? И почему?

Аля не могла четко ответить на этот вопрос. Хотелось забыть. Вышло так, что уже и не больно даже.

Аля трезвела. Вспоминала ее запах, густые черные волосы и смех. Вспоминала времена, когда ночами, сбежав из дома, она гуляла с Ларой; как они попадали в разные глупые истории, как один раз украли батон в

продуктовом, как покрасили помадой бомжа, спящего у мусорных баков, как сорвали свадьбу подруги, которая их раздражала, обсмеяв ее, убежали, порвали фату и как много-много мечтали, что когда-нибудь станут миллионерами, и весь мир будет у их ног; как пили, рассказывали друг другу про своих мужчин, как ночевали в одной кровати. Аля вспоминала ее маленькую комнату, заставленную красивыми баночками, свечками и духами, но было уже не страшно. Стыло.

Удивительная вещь – память, может нарисовать такую приторную картину, выкинув всю черноту, будто и не было обид, боли и, наконец, того, что обрушает отношения окончательно – манипуляций.

Дилара обращалась с людьми как с досточками: могла сжечь взглядом того, кто не нравится, бросить фразу, даже слово, после которого люди больше никогда не хотели ее знать. Эта черта Але казалась смелостью и нонконформизмом. Пока такое

слово не бросили сначала Алиным друзьям (ладно), спустя время Алиному мужу (неприятно, но терпимо), а потом и Але (больно).

Хотя нет, Ларе же было плохо в тот момент, а, значит, ранить было можно.

«Подумаешь, проехали, и не такое видали», – думала ошарашенная Аля. И терпела.

И ехали дальше, в непролазную чащу. А Лара пила, много пила, ей действительно было дурно: бессмысленная работа, повторяющаяся, бедовые мужчины, никто не мог понять ее стенаний. Все это вызывало стойкое желание спастись.

Как-то Аля попала в больницу на целых полгода. А Лара не приехала и не позвонила: очередные отношения с очередным мужиком. И что-то закралось в Алину голову недоброе, но гнать она хотела эту обиду, разве видано, чтобы добрый человек злился на свою любовь. А ведь было больно, очень больно. Так и жили: одной больно и другой больно, и каждая страдала по-своему, и любили друг друга и ненавидели.

безобразно тихая и ничемная, или что очередной мужчина обидел Лару, и надо ее спасать, или что все кругом ублюдки и твари, и Ларе просто снова нужно человеческое тепло. Аля никак не могла понять, почему она больше ничего не чувствует. Перечитывала сообщения, а внутри не екало. Ни больно, ни обидно не было.

«Ты – не ты, когда голоден» слоган неоновой рекламы мелькал в морозной ночи, «ты – не ты...» Аля думала о том, что любовь можно взять изнутри и невозможно из пу-

Но если долго не ссать, мочевого пузырь в конце концов лопнет.

Как-то вечером, укладывая ребенка, Аля услышала пиликанье сообщения, «от Лары» подумала вскользь, и ведь даже не вспомнит теперь, что было написано: что жизнь у нее (у Али)

стоты... «Ты – не ты, когда холоден» думала и смеялась как-то лихорадочно. Во что-то ей хотелось верить. В кого-то хотелось верить. «Теплая» – подумала Аля воспаленно трезвеющим умом, – «теплая любовь» и, озябнув от мороза, выкинула тлеющий окурок и быстрой

походкой пошла домой.

По улице плелась босая
странноватого вида женщи-
на, то и дело лихорадочно
выкрикивая:

– Суки, твари, ублюдки, сло-
мали мне жизнь, ненавижу!
Взгляд ее изумрудных глаз
был обращен в слепую веч-
ность.

Она было бросилась к како-
му-то прохожему, толкнула
его, но так легко и слабо, сил
совсем в ней не осталось.

Прохожий отряхнул рукав
пальто, бросил на женщи-
ну отсутствующий взгляд и
пошел дальше.

МЫ, ВТРОЕМ

Монолог

Поскольку все это задумано с простой целью: доказать, что я – то самое чудище обло, озорно и далее по списку, в общем, худшее существо, когда-либо ступавшее по этой земле, позвольте мне начать со своей незамысловатой защиты.

Готовы? Итак...

Я никогда не ожидала, что буду встречаться с девушкой. Никогда за всю юность я не верила, что в меня кто-нибудь влюбится.

Вы хмуритесь. Да, я понимаю, это оправдание кажется несоизмеримым с масштабом моего преступления, но, пожалуй, я все-таки попробую объяснить, начать с самого начала, попытаться заставить вас увидеть проис-

ходящее моими глазами.

В день знакомства с Ангелиной (этот момент я по-прежнему считаю самым счастливым и важным за все годы моей жизни) мы с матерью безобразно поссорились.

Я стояла перед зеркалом в прихожей, приводя себя в порядок перед выходом, а мать в очередной раз потянулась к моим волосам, в попытке не то меня причесать, не то что-то поправить, и я грубо оттолкнула ее ладонь, нервно бросив, что мне почти двадцать два. Немедленно разгорелась ссора, от деталей которой я вас избавлю, скажу лишь, что минут через пятнадцать, уже сильно опаздывающая, я в слезах провыла в свойственной мне драма-

тичной манере, что она меня убивает, и бросилась к лифту. Вопреки обыкновению, она не последовала за мной с какой-нибудь отповедью про то, что я у нее одна, и как она меня любит, а я ее ненавижу и все время пытаюсь от нее сбежать.

Почему я помню события пятилетней давности в таких деталях, вы спрашиваете?

Отличный вопрос, но, наверное, не ко мне. Возможно, нейроны

(прошу меня простить, мой дорогой инквизитор, интерес к анатомии или любой науке, имеющей дело с человеческим мозгом, обошел меня стороной),

так вот, возможно, нейроны, занятые запечатлением счастливейшего знакомства моей жизни, своим светом обожгли всех своих соседей, содержащих воспоминания...

(ах, инквизитор, я вижу, как перекосилось ваше лицо, поверьте, я сожалею о своем невежестве не меньше вашего).

В любом случае этот день я помню до мельчайших деталей.

Я стояла в лифте, вглядываясь в собственное опухшее от слез, лицо; разглядывала, словно в первый раз, свои пухлые щеки, которые так ненавидела, и думала, что никогда и никто не полюбит столь уродливое и эгоистичное существо как я.

Бывают странные сближения, вам так не кажется? Я думала о том, какая я unlovable, слово, которое мне казалось единственным доступным самоопределением, и была лишь в шаге от того, чтобы встретить ее, девушку, которая сделает меня счастливой на долгие и долгие годы... Вы смотрите на часы. Простите, я заговариваюсь. Лаконичность и ясность мысли не состоят в числе моих талантов.

Ангелина и я встретились в нашей школе: обе пришли помогать с организацией спектакля. Одна из старейших ее традиций: выпускники собираются и помогают нынешним ученикам с устройством сцены, макияжем и костюмами.

Ангелине было двадцать, мне почти двадцать два, и

несмотря на то что мы ходили по одним и тем же коридорам и к одним и тем же преподавателям в течение почти трех лет, мы никогда раньше не были знакомы. Я узнала ее, конечно, ее изысканные черты, указывающие на якутскую ветвь ее семьи, и то, как продуманно она одевалась. Такой она была еще в школе, и пару раз я замечала, как самоуверенно она носила на губах пух-ову голубую помаду, например. Нас отправили заниматься макияжем, так что мы представились, начиная вытряхивать содержимое из старых тяжелых косметичек, хранящихся в школьной подсобке. – Ангелина, – сказала она с улыбкой.

– Вера, – мы пожали друг другу руки. Она носила кольцо на мизинце.

Впоследствии я выяснила, что она знала обо мне гораздо больше, чем я знала о ней. Про меня многие годы ходили слухи, что я была лесбиянкой: не знаю, виной ли тому были нелестные стереотипы, которые слишком хорошо примерялись на

мою крупную фигуру, или тот факт, что я была иногда слишком откровенна со своей соседкой по парте, которую я принимала за благонадежную confidentку.

В любом случае, что бы это ни было, оно сыграло мне на пользу: Ангелина, прекрасная, как модель, самая невероятная девушка на свете, мной заинтересовалась и хотела что-нибудь обо мне узнать. Мы разговорились в перерывах между гримировкой детей. Она смеялась моим шуткам и с жаром рассказывала о жизни, и мне было сложно дышать, такой она была невероятной, и так стремительно я в нее влюбилась. Почему-то, мой инквизитор, вы все еще смотрите с осуждением. Возможно, вам мешает то, что вы знаете о конце этой истории, но разве мы не можем просто наслаждаться сценами зарождающейся любви?

Конечно, прошло несколько месяцев, прежде чем я поняла, что эта любовь взаимна. Несколько месяцев, которые мы переписывались каждый день, и я отчаянно и влю-

бленно думала об Ангелине каждую секунду моего бодрствования.

Мы признались друг другу в любви в «Шоколаднице», куда пошли пить какой-то напиток, у которого была скидка по флаеру... Или это был «Кофе Хаус»? Подскажите мне, инквизитор, говорит ли вам что-нибудь словосочетание «дабл-капучино по флаеру»?

Смешно, мне как будто вдруг

захотелось подумать о чем-то еще, чтобы не пачкать то воспоминание своими прикосновениями. Каждый раз, когда вы вспоминаете о чем-то, вы немного меняете сцену и ощущения от нее, стираете и переписываете реальность. Может, и лучше тогда заниматься себя неважными деталями того события: какой усталой была официантка, как за соседним столиком сидела старушка с собачкой,

как мои ботинки совсем промокли (благодарность промозглой московской зиме), и если я перекатывала стопу с носка на пятку, то в них неприятно хлюпало. То были декорации важнейшего события моей жизни. Все остальное: сладость напитка, тепло ее руки, смазанная помада в уголке ее губ, все это останется со мной. Ваш выжидающий взгляд подсказывает мне, что мы не можем просто остановиться на

этом счастливом событии, и обязаны двигаться дальше, приблизиться к сути моего преступления. Хорошо. Я продолжаю.

Если бы не Ангелина, я бы никогда не переехала, так и оставшись вечной пленницей собственной матери. Мы съехались через два года после того, как начали встречаться: у нас было не очень хорошо с деньгами (ее семья принимала ее отношения почти так же плохо, как моя), но мы нашли комнату, которую смогли снимать в качестве близких друзей.

Я не хочу притворяться, что наша жизнь всегда была безоблачной, и любовь сделала нас самыми счастливыми людьми на земле. Мы много ссорились. Ей не нравился сопровождающий меня бардак, а меня доводил до отчаяния ее график работы: обычно она входила в раж где-то ближе к часу ночи. Но мы любили друг друга, очень, невероятно и сильно. Через год совместного проживания мы обещали друг другу, что когда-нибудь обязательно вступим в брак:

хотя вроде как ни одна из нас не планировала эмигрировать. Это еще одно воспоминание, которое я не буду трогать. Мы были счастливы и копили деньги на что-то абстрактное: квартиру, которую мы когда-нибудь будем снимать вдвоем или даже купим, но в нашем планировании было что-то детское, и мы то и дело спускали наши зачатки на одежду и еду.

А потом одновременно случились две вещи, и прежде чем приступить к их описанию, я хочу напомнить вам, дорогой инквизитор, что отношения с Ангелиной по-прежнему казались мне чудом, аномалией, я по-прежнему не могла поверить, что кто-то столь идеальный обратил на меня внимание. Это был единственный шанс быть с кем-то, быть счастливой.

Не хмурьтесь, пожалуйста. Возможно, у вас даже будет какое-нибудь типичное замечание, типа что я хорошо выгляжу и совсем не толстая... Оставьте его при себе. Итак, два события случились почти одновременно: в

Ангелине вдруг проснулось то, что я осторожно назову депрессией (она никогда не была у врача, но проводила большую часть дня, свернувшись под одеялом), и я встретила Вику.

Вика и я работали вместе в одном стартапе: она программировала, а я была стажером в HR. Я даже не помню, как мы представились друг другу: просто в какой-то момент у меня появилось знание, что та брюнетка с ежиком – это Вика, программистка.

Мы быстро стали друзьями: нам обоим нравился стендап и одни и те же книги, и у нас было похожее чувство юмора.

Мы часто пускались в длинные диалоги, наводненные по-ситкомски несерьезными подколами, которые наши коллеги не выносили, сообщая нам, что мы ругаемся, как престарелая супружеская пара. Нам это нравилось.

Эта дружба сильно меня поддерживала. Понимаете, инквизитор, не знаю, встречались ли вы когда-нибудь с человеком, которому явно нужна помощь, и который

этого не осознает, но это очень выматывает.

Ангелина могла провести несколько дней без особого движения, просто остановив взгляд на экране телефона. А иногда она начинала плакать: просто глухие всхлипы и гнетущее молчание. Потом ей становилось лучше, и каждый раз я надеялась, что все закончилась, но это всегда оказывалось ложной надеждой.

Вика время от времени приходила к нам в гости и всегда приносила еду в контейнерах или могла прийти и заказать нам всем суши или чего-нибудь еще: у нее всегда водились деньги.

Когда я поняла, что влюблена и в нее? Не знаю. Быстро. Но если бы вы росли также как я, вы бы тоже привыкли подавлять это чувство. Любовь легче игнорировать, когда вы уверены, что у вас нет шансов.

Я была влюблена в Вику, и все еще очень любила Ангелину. Потом однажды Ангелина сообщила мне, что ненадолго останется у родителей.

(Тут мне хочется отметить,

что это не было подано каким-нибудь образом, намекающим, что в наших отношениях возникли сложности. Ее родители довольно богаты, и когда они предложили ей остаться на пару недель на их даче, мы обе решили, что это хороший вариант. Ей нужно было уединение, которое я обеспечить не могла. Как вы можете себе представить, присоединиться мне никто не предложил).

Вика как раз искала новую квартиру, и я пригласила ее к себе на пару дней. В первую ночь мы заказали еды и начали смотреть фильм, что-то с Адамом Драйвером. Нам было очень хорошо вместе, она много смеялась и шутила. (Я была очень и очень в нее влюблена). А потом мы поцеловались.

Это прекрасное и отвратительное воспоминание одновременно. Я что-то ей говорила о фильме, и ее лицо было близко к моему. Она потянулась за соевым соусом, и мои губы случайно скользнули по ее щеке.

Мое сердце билось где-то в горле, пытаюсь высколь-

знуть, как лягушка из моего рта. Мы посмотрели друг другу в глаза. Она затаила дыхание и выглядела такой растерянной и непонимающей, мигом растеряв обычную смешливость.

А потом мы поцеловались: ее губы на моих, моя рука скользнула под ее худи. Она не носила лифчик.

Мы целовались, сидя на кровати, которую обычно я делила с Ангелиной, и голова шла кругом от страсти и вины.

Через пару минут мы оторвались друг от друга. Вика вдруг начала сбивчиво извиняться, будто все это было ее виной, а потом сказала:

«Ты мне очень нравишься. Я бы хотела с тобой встречаться, но я не буду твоей любовницей».

Я заверила ее, что об этом не может быть и речи.

Почему вы так на меня смотрите, дорогой инквизитор? Что вы хотите мне сказать этим выразительным взглядом? Спросить, как же так в результате вышло? Почему я просто не рассталась с Ангелиной, или почему не

призналась ей в том, что я сотворила?

В тот момент мне казалось, что единственный доступный выбор – это, конечно, с ней расстаться: я совершила ужасное предательство. Не скрою, мне также хотелось встречаться с Викой, которая мне тоже безудержно нравилась.

Я приехала на дачу, где Ангелина проводила свои дни за прополкой грядок. Она выглядела немного лучше, чем обычно: вышла встретить меня на платформу, почти улыбалась на мои замечания о поездке.

Я не знала, как с ней расстаться. Долго искала слова или подходящий момент, а потом вдруг выпалила, что

будет лучше, если мы проживем раздельно. Никогда в жизни я больше не слышала столь оглушительного рева, который моя девушка издала в ответ. Ее лицо побелело, а глаза превратились в сеть кровавых сосудов, и она почти упала передо мной на колени:

«Я не смогу без тебя, – забормотала она. – Я люблю тебя, я не могу».

Хей, инквизитор, а вы бы что сделали, если бы ваш любимый человек в слезах упал перед вами на колени?

Мы договорились, что проживем пока раздельно: Ангелина оставалась на даче, а мне досталась наша комната. Вике я соврала. (Видите? Я это признаю. Я все время врала им обеим).

Вика и я начали жить вместе почти немедленно. Она была собранной и организованной: мы начали готовить каждый день, я ходила с ней в спортзал, и мы постоянно чем-то занимались, все время в движении. Мы были безумно счастливы, безудержно влюблены: ходили на выставки и в музей, много

гуляли и ничего не боялись. Но время от времени я общалась ей, что мне нужно проведать пожилую бабушку, садилась на электричку в сторону Александра и ехала к Ангелине.

...Да, простите, я понимаю, что это странно, что я сейчас плачу. У вас нет носового платка? Спасибо. Вы знаете, я, правда, не могу поверить, что я это сделала. Честно. Я знаю, что я там была, и знаю, что я непрерывно врала обоим, но как будто не могу представить, что вся эта боль была создана моими руками. Я, правда, очень их обеих любила и по-прежнему люблю. Это продлилось почти четыре месяца. Однажды Ангелина решила сделать мне сюрприз, и застала нас с Викой спящих на одной кровати в объятиях друг друга. Она бросилась к нам, издав звук, которому я не могла дать определение, и ударила Вику по лицу (та была ближе), я выбралась из постели, вцепилась в Ангелину, кричала что-то в панике (пыталась ли я ее успокоить? Ругалась ли на нее? Я

не помню), Вика отползла в угол кровати, дрожа от шока, в слезах.

Вы сами знаете, что было дальше. Разговоры, бесконечные разговоры и слезы: с Ангелиной на улице, потом на станции, она вертела в руках бутылку белого вина, которую для нас купила; потом разговоры с Викторией, плачущей вещи и рыдающей. Признания, слезы, вопросы: «как ты могла со мной так поступить?»
(я не знаю)

Вы это хотели узнать? Почему я так поступила? Я не знаю. На самом деле, конечно, у меня нет никакой защиты и никаких оправданий. Я очень и очень их обеих любила.

Что? Нет, вы, наверное, будете удивлены, но Вика и я все еще вместе. Это загадка, почему она продолжает меня любить. Я, к примеру, себя ненавижу и, в принципе, всем это советую.

Ангелина, по крайней мере, меня никогда больше не хочет видеть, что почему-то и дело побуждает меня

проверять ее соцсети. У нее, кажется, все хорошо, и я за нее очень рада.

Инквизитор, скажите честно, кончится ли это когда-нибудь? Перестану ли я ненавидеть себя до дрожи, замирать внезапно, осознавая, что я совершила нечто невообразимо ужасное, ранила двух самых дорогих мне людей? Смогу ли я однажды поцеловать Вику и не чувствовать вины? Прекратится ли панический страх, что я случайно могу встретить на улице Ангелину? (Посмотрит ли она на меня или просто пройдет мимо, будто я пустое место?)

Но вы качаете головой, и ваше лицо – все еще мое. Видимо, нам с вами придется продолжить жить, чтобы это выяснить.

АЛИНА ТАВТЫН

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

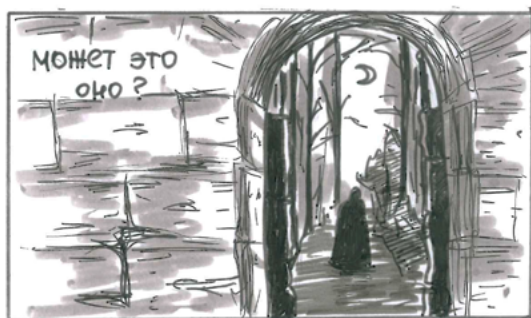
ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К.ЧУКОВСКОГО И Е.ЗВОНЦОВОЙ

КАК ДАВНО НОЧЬ СТАЛА СВЕТЛЕЕ ДНЯ?

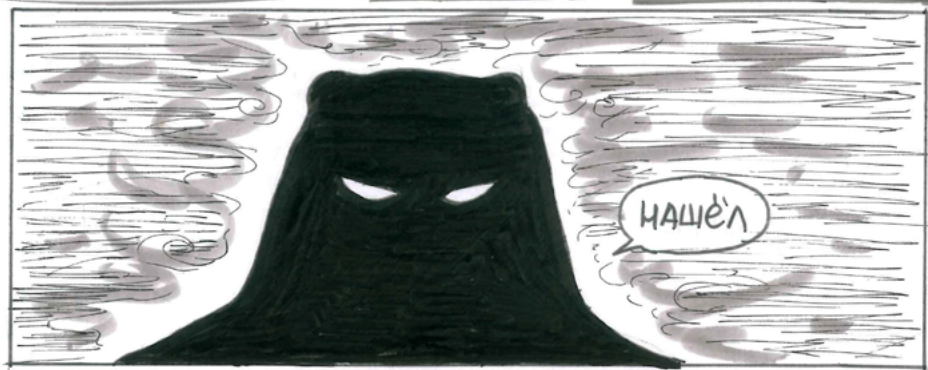
ЗЕМЛЯ УМИРАЕТ
и
мы вместе с ней
КУДА ИСЧЕЗЛО СОЛНЦЕ?

Я ДОЛЖЕН ЕГО НАЙТИ ...

ПОСМОТРИ,
СОЛНЫШКО!
У НАС ПОСТИ

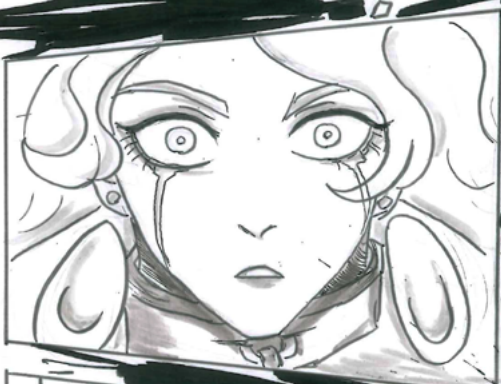

НАШЁЛ

ОТПУСТИ СОЛНЦЕ
ПО-ХОРОШЕМУ

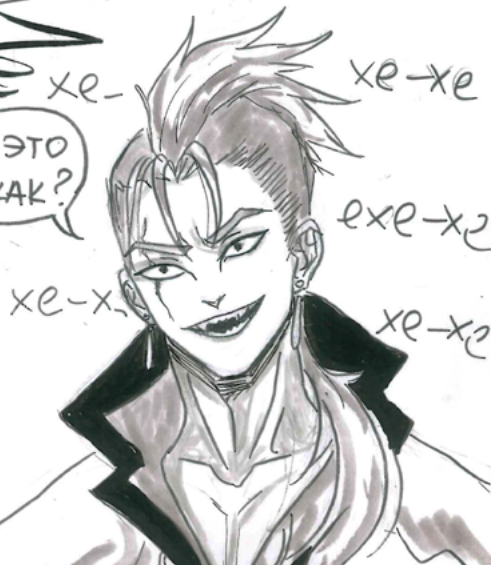
ЭТА СИЛА...
НЕУЖЕЛИ
ОН И ПРАВДА
СМОЖЕТ?

Ооох,
ПО-ХОРОШЕМУ
?

xe- xe- xe

А ЭТО
КАК?

xe- xe

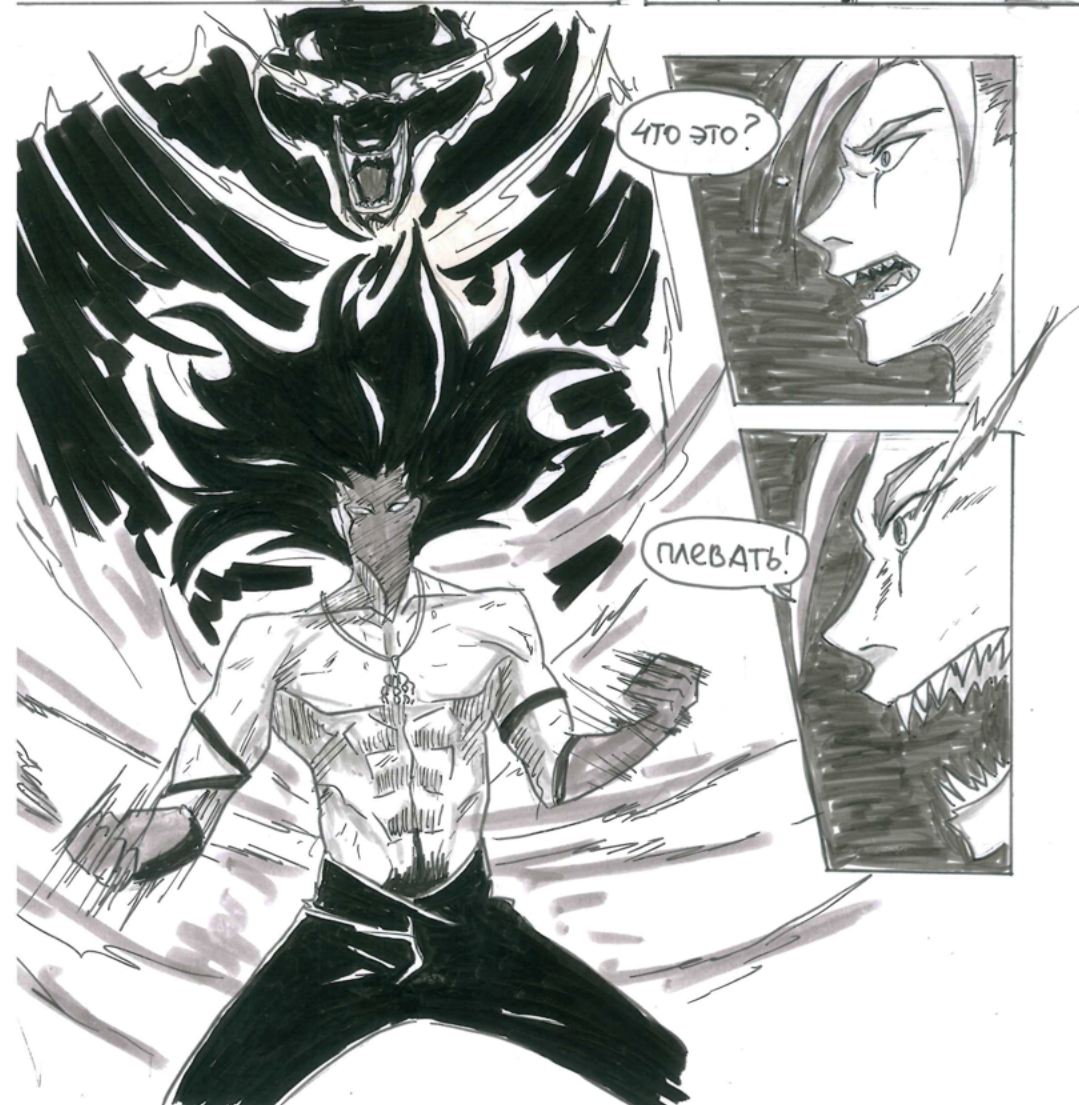
exe-xe

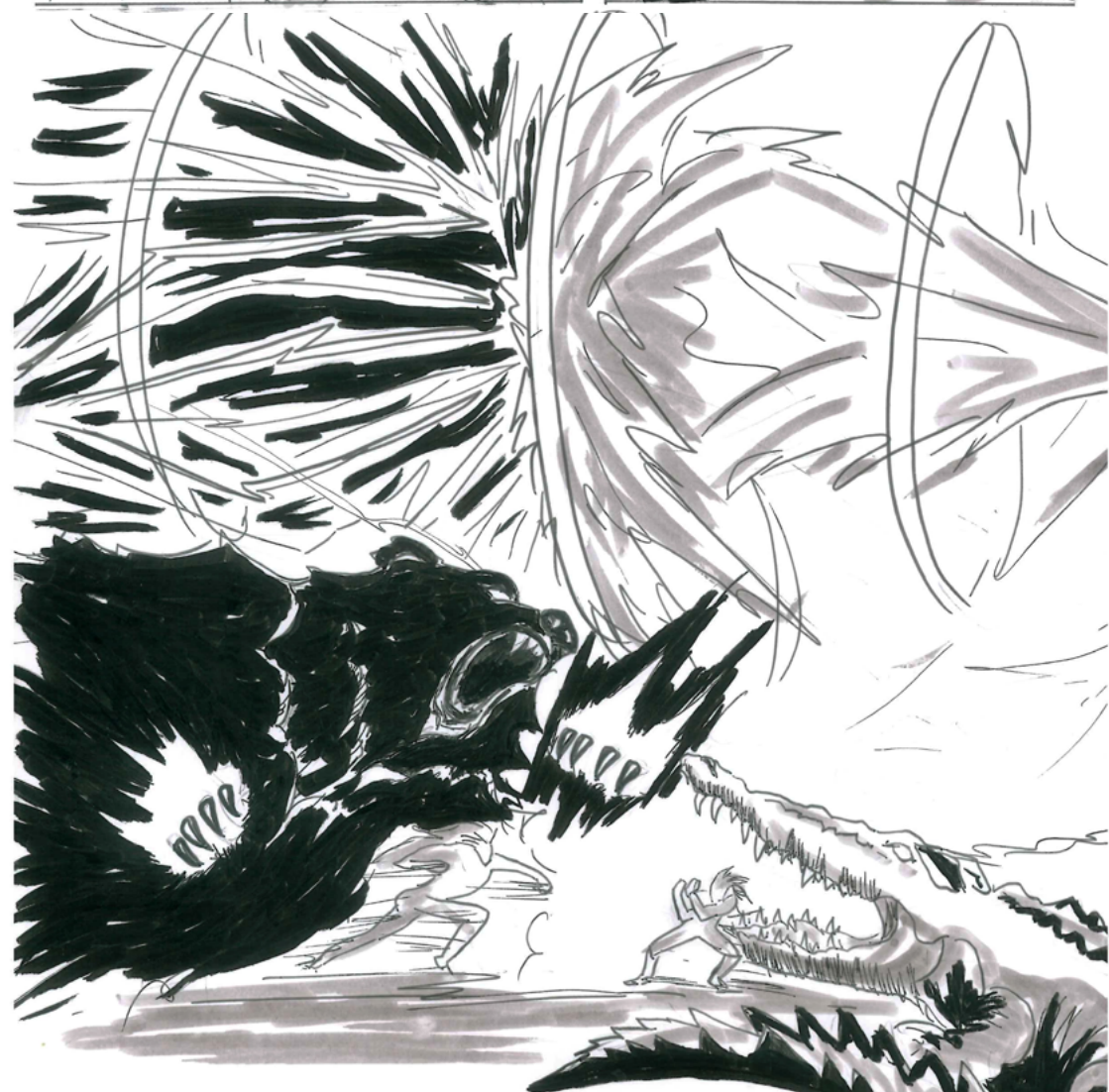
xe-xe

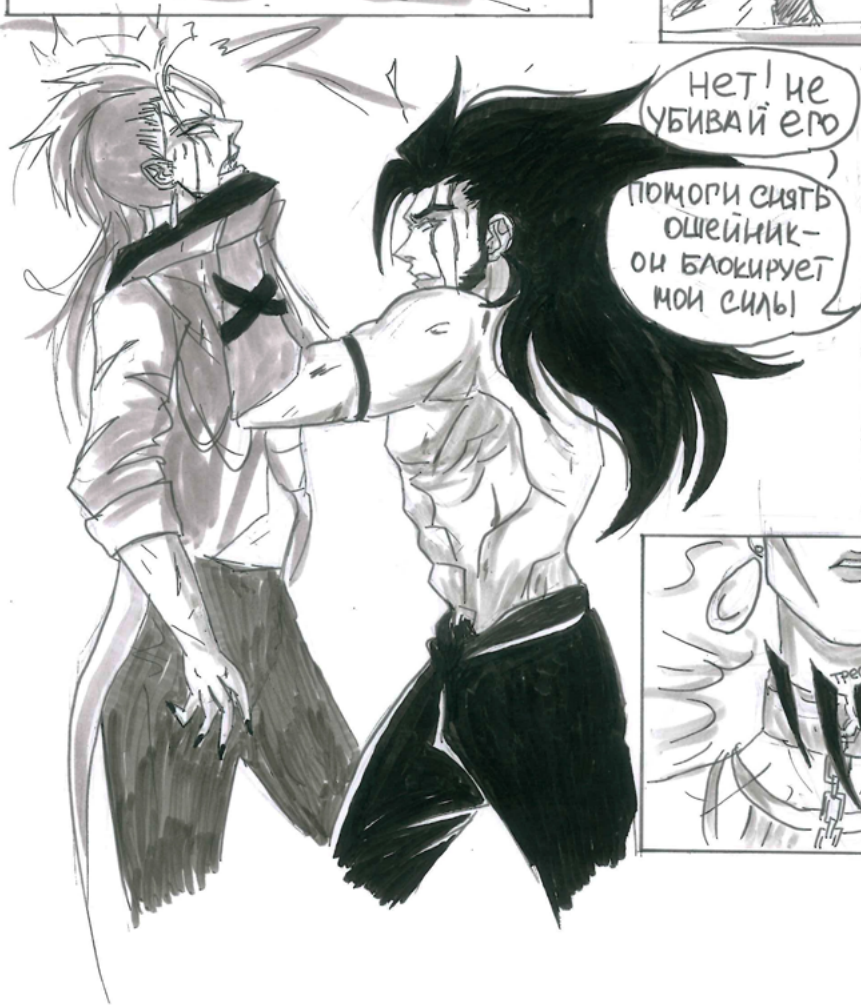
xe-xe

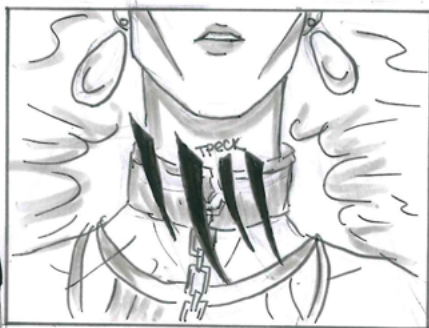

Нет! не
убивай его

помоги снять
ошейник-
он блокирует
мои силы

ТЕПЛА
ХОТЕЛ?
ПОЛУЧИ!

СОВСЕМ КРЫША
ПОЕХАЛА...

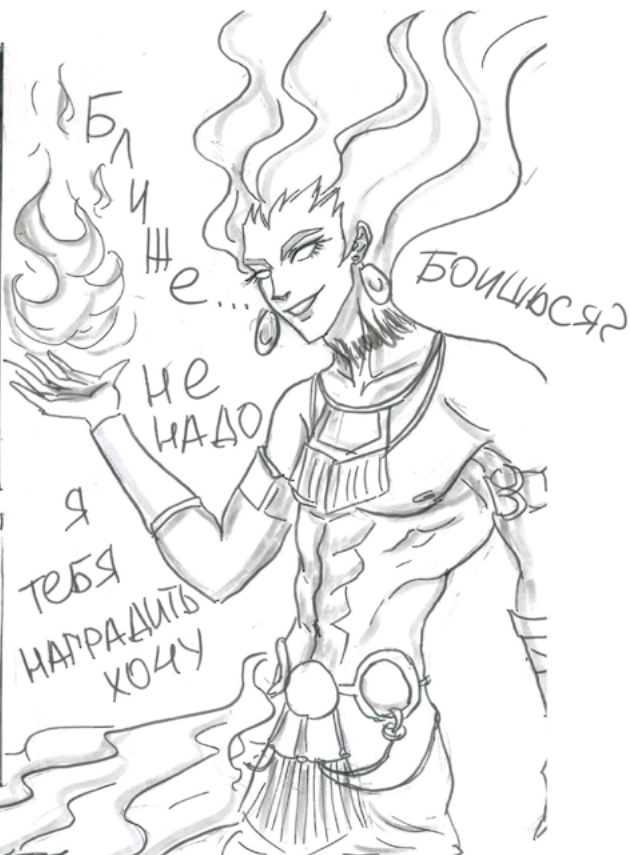
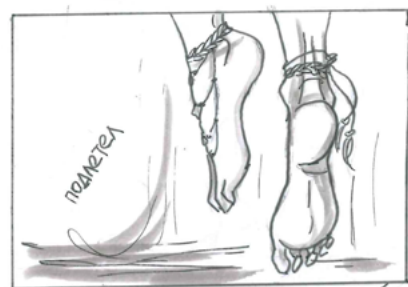
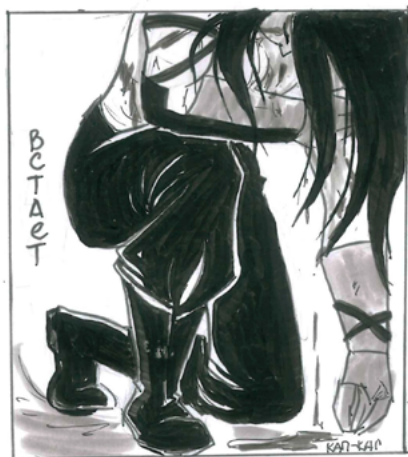
ТЫ-Ы...

ВСЁ, ЧТО
ОСТАЛОСЬ ОТ
КРОКОДИЛА

АХАХ
ТЕПЕРЬ
С
ТОБОЙ
РАЗБЕРЕМСЯ
АХАХА

Я
ТЕБЯ
НАПРАДЫТЬ
ХОЧУ

А? ОН МЕНЯ
ВСПОМНИЛ?

ТВОИ ГЛАЗА КАНУТСЯ
МНЕ ЗНАКОМЫМИ...

О, Я НАПОМНЮ

ВЕЛЕС... ДАВНО ЖЕ МЫ
НЕ ВИДЕЛИСЬ.

СИЛ СОВСЕМ НЕ
ОСТАЛОСЬ...

РАЗЫЩИ МЕНЯ
(ПОЗЖЕ)

Я БУДУ ЖДАТЬ!

ОСТРАРА

ИНТЕРЕСНАЯ
ЛЕГЕНДА

СЧИТАЕТСЯ, ЧТО
ОТ ЭТОГО МЕДВЕДЯ
И ПОШЕЛ НАШ РДА

СОЛНЦЕ ДАРОВАЛО
СИЛУ И ВЫНОСЛИВОСТЬ
А КАК БОНУС —
РЫШИЕ ВОЛОСЫ
И ВЕСНУЧКИ.

„ПОЦЕЛОВАННЫЕ
СОЛНЦЕМ“,
ХЕХ, ПРОСТО
СТАРАЯ СКАЗКА

А ДАЛЬШЕ?

ДАЛЬШЕ?

МЕДВЕДЬ НАШЕЛ
СОЛНЦЕ ВО
ВТОРОЙ РАЗ?

НАШЕЛ, НО ЭТО
ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ.

РАССКАЖУ В
ДРУГОЙ РАЗ.

А МОЖЕТ ЧТО-ТО
И ПОКАЖУ...

КСТАТИ,

МОГУ Я ПОЛУЧИТЬ
СВОЙ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИЙ
ПОЦЕЛУЙ?

Я ЗАПОМНЮ

В ДРУГОЙ
РАЗ,
ВАШЕ
ОГНЕЙШЕСТВО

КОНЕЦ